

СЮЖЕТ КНИГИ
ЛЕГ В ОСНОВУ
ГОЛЛИВУДСКОГО
ФИЛЬМА
С КЕЙРОМ
ГИЛКРИСТОМ
И ЭММОЙ РОБЕРТС
В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ

Нед Виззини

ЭТО ОЧЕНЬ ЗАБАВНАЯ ИСТОРИЯ

18+

НОМИНАНТ LINCOLN AWARD
ПОБЕДИТЕЛЬ GOLDENER LUFTI

Нед Виззини

Это очень забавная история

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31215502
Это очень забавная история. Роман: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-113700-7*

Аннотация

Амбициозный подросток Крэйг Гилнер намерен добиться в жизни больших успехов. Для этого он должен поступить в лучшую школу, чтобы потом попасть в лучший университет и получить лучшую работу. Однако, сдав на отлично вступительный экзамен в Манхэттенскую академию, парень сталкивается с непомерной учебной нагрузкой. Он перестает есть и спать, теряет веру в себя и разочаровывается в жизни.

Чтобы пережить кризис, Крэйг отправляется в психиатрическую больницу, где его соседями по отделению становятся весьма колоритные личности. Здесь парень найдет необходимую ему поддержку и даже встретит любовь, посмотрит на свои проблемы под другим углом и обретет смысл жизни.

Нед Виззини, который сам провел время в психиатрической больнице, создал удивительно трогательную историю о неожиданном пути к счастью.

Содержание

Часть первая	5
Один	5
Два	11
Три	22
Четыре	30
Пять	33
Шесть	37
Часть вторая	49
Семь	49
Восемь	61
Девять	76
Десять	82
Одиннадцать	91
Двенадцать	101
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Нед Виззини

Это очень забавная история

Роман

Посвящается моей маме.

Я рано или поздно посвятил бы тебе одну из книг.

*Но что-то они даются мне не так просто,
так что я подумал, лучше уж рано.
С любовью, Нед*

Ned Vizzini
It's Kind of a Funny Story

Печатается с разрешения литературных агентств William Morris Endeavor Entertainment, LLC и Andrew Nurnberg

Text copyright © 2006 by Ned Vizzini

© А. Зверева, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Часть первая

Где я нахожусь

Один

Когда хочешь покончить с собой, слова даются ой как непросто. Это влияет на все, но не в психическом смысле, нет, ощущение вполне физическое: тебе физически тяжело открывать рот и произносить слова. Ты не можешь подумать и произнести что-то как нормальный человек: слова лезут кусками, как будто их перемололи в измельчителе для льда, они скапливаются во рту за нижней губой, и ты спотыкаешься о них. Лучше уж помалкивать.

– А вы замечали, что во всех рекламных роликах люди смотрят телик? – спрашивает мой друг.

– Не гони, – возражает второй.

– Да нет, точняк, – подтверждает третий. – В них постоянно кто-то сидит на диване, только если это не ролик про аллергию – и тогда они в поле...

– Или скачут по пляжу на лошади.

– Не, это в рекламе лекарств от герпеса.

Мы смеемся.

– Да как вообще можно сказать кому-то, что у тебя гер-

пес? – говорит Аарон, дома у которого мы зависаем. – Представляете эту дичь: «Слушай, пока мы не начали, я должен сказать...»

– А ваши мамки вчера ночью не возражали!

– О-о-ой!

– Да ты офигел, пацан!

Аарон тычет кулаком в задиру Ронни. Тот маленького роста и обвешан цацками. По его словам, «начни носить украшения – потом не остановишься». Ронни бьет в ответ, и пузатый золотой браслет на его руке с громким звоном стучится о часы Аарона.

– Э, парень, ты что, золотишко мое попортить хочешь? – Ронни трясет запястьем, а потом переключается на курение косяка.

У Аарона всегда есть травка. У него комната с отдельной вентиляцией и запирающейся дверью в соседнее помещение, которое его родители сдают жильцам как отдельную квартиру. На всех выключателях красуются грязные потеки, а покрывало на кровати – в черных кругах. Пятна и разводы на нем тоже есть, блестящие такие, говорящие об определенных занятиях, которым предаются Аарон и его подружка. Я смотрю на пятна, потом на парочку – и ревную. Но потом вспоминаю, что на ревность мне уже плевать.

– Будешь, Крэйг?

Мне дают косяк, свернутый из рекламного листка службы доставки, но я передаю его дальше. Я провожу эксперимент.

Проверяю, не в травке ли все дело: может быть, это она пришла и поработила меня. Я частенько так делаю: по нескольку недель не курю, а потом выкуриваю сразу целую кучу травы, просто чтобы проверить, а вдруг дело как раз в воздержании.

– Ты как, чувак? Порядок?

Меня могли бы так называть. Типа такой супергерой: «Чувак-Порядок».

– Э-э-э... – торможу я.

– Не цепляйся к Крэйгу, – говорит Ронни. – Он на своей волне. На волне Крэйга. Он крэйгует.

Я собираюсь с силами, привожу в действие необходимые мышцы и выдаю с улыбкой:

– Ага, просто я... типа... ну...

Видите, что происходит со словами? Они отказываются иметь дело с губами и уходят.

– У тебя все нормально? – спрашивает большеглазая красотка Ниа.

Ниа – девушка Аарона. Она постоянно к нему притрагивается. Вот и сейчас она сидит на полу возле его ноги.

– Все отлично, – говорю я.

Она отворачивается обратно к телику, и голубое свечение экрана отражается в ее глазах. Мы смотрим документалку про океанские глубины.

– Вот ни фига себе, вы только поглядите! – говорит Ронни, выдыхая и снова втягивая в себя дымок. Как вообще он это делает?

На экране появляется полупрозрачный осьминог с гигантскими ушами, парящий в воде в холодном свете батискафа.

– Ученые в шутку назвали этого осьминога Дамбо... – вещает диктор.

Ха, а вот и мой секрет: я хотел бы быть осьминогом Дамбо. Приспособленный к ледяному холоду океанских глубин, я бы спокойно плавал туда-сюда. Самой большой заботой в моей жизни было бы, какую дрянь подобрать со дна, чтобы прокормиться. Что не слишком-то отличается от моих нынешних проблем. Зато у меня не было бы естественных врагов. Впрочем, у меня и сейчас их нет, а что толку? И тут меня осеняет: я хотел бы жить под водой, как осьминоги.

– Я сейчас, – говорю я, поднимаясь со своего места на диване, которое тут же занимает Скраггс, сидевший до этого на полу.

– Встал – место потерял! – поспешно говорит он. – Ты не сказал «не занимать».

– Не занимать! – пробую я.

– Поздно.

Я пожимаю плечами и, минуя сваленную в кучу одежду и вытянутые ноги, пробираюсь к светло-коричневой двери, похожей на вход в квартиру с улицы. За дверью направо – теплая ванная.

С ванными комнатами у меня особые отношения. Я провожу в них кучу времени. Это убежища, общественные места покоя для таких, как я, разбросанные по всему миру. За-

скочив в туалет Аарона, я следую привычному ритуалу по убиванию времени. Первым делом выключаю свет. Глубоко вздыхаю. После этого поворачиваюсь лицом к двери, которую только что закрыл, спускаю штаны и падаю на унитаз – не сажусь, нет, а падаю, как труп, чувствуя, как задница встречается с ободком. Потом я роняю голову на руки, выдыхаю и, это, ну, отливаю. Я всегда стараюсь получать от этого удовольствие, прислушиваюсь, как из меня вытекает, понимаю, что мое тело справляется с чем-то, что должно делать, вроде питания, с которым у меня не очень получается. Поэтому я прячу лицо в ладони и мечтаю, чтобы это вытекание продолжалось вечно, потому что это так приятно. Ты это делаешь – и оно делается. Не нужно прилагать никаких усилий или думать, как бы к этому подойти или отложить на потом. Если не можешь отлить – это же просто капец. Типа анорексии, только с мочой. Вроде как держишь ее внутри, чтобы наказать себя. Интересно, кто-нибудь так делает?

Я заканчиваю и, так и не поднимая головы, спускаю воду, нащупав кнопку сзади. Потом встаю и включаю свет. Интересно, кто-то заметил, что в щели под дверью не было света и я сидел в темноте? Видела ли Ниа?

Смотрюсь в зеркало. Выгляжу я совершенно обычно. Так же, как выглядел до прошлой осени. Темные волосы, темные глаза, один кривой зуб, сросшиеся на переносице густые брови и длинный, немного перекошенный нос. Расширенные зрачки – это у меня от природы, а не из-за травки –

растворяются в темно-коричневых радужках, делая мои глаза похожими на блюдца: этакие отверстия внутрь меня. Над верхней губой – отдельно торчащие клочки волос. Это и есть я, Крэйг.

Вид у меня всегда такой, будто я сейчас расплачусь.

Я включаю горячую воду и, чтобы почувствовать хоть что-то, плещу на лицо. Через несколько секунд мне придется выйти отсюда к людям. А так хочется еще немножко посидеть в темном туалете. Я всегда растягиваю поход в туалет минут на пять.

Два

– Как твои дела? – спрашивает доктор Минерва.

В ее кабинете, как и у всех мозгоправов, стоит книжный шкаф. Раньше я не хотел называть их мозгоправами, но мне кажется, что после всего случившегося у меня есть на это право. Так психологов называют взрослые, причем неуважительно, а я почти взрослый и никого не уважаю, так что – какого черта?

Короче, как у всех мозгоправов, у нее в этом кабинете есть книжный шкаф, забитый соответствующей литературой. Самая важная книжка, и толстенная такая, – «ДСР, или Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам»: в нем перечислены все известные науке психические заболевания – занятное, я вам скажу, чтение. У меня, конечно, не все собранные там болезни, а только одна, зато серьезная, но я знаю обо всех, потому что полистал книгу. Чего там только нет. Например, «синдром проклятия Ундины». Это когда организм утрачивает способность к произвольному дыханию. Представляете? Человек должен все время думать: «Дыши, дыши!» – а иначе дыхание прекратится. Большинство людей с такой болезнью умирает.

Если мозгоправ высококлассный, то у нее (чаще всего – «у нее», реже – «у него») есть несколько таких ДСР, потому что оно выходило в нескольких изданиях. Самые распространен-

ные – третье, четвертое и пятое, и вряд ли вам где-нибудь встретится второе: его выпустили в 1963 году или около того. Новое руководство выходит примерно раз в десять лет, сейчас идет работа над шестым.

Блин, я мог бы стать мозгоправом.

Ну так вот, кроме ДСР в шкафу куча специальных книг о разных психических болезнях: «Свобода от депрессии», «Тревога и панические атаки: причины и лечение», а также «Семь навыков высокоэффективных людей». Все книги в твердых переплетах. Никаких тебе мягких обложек! Обычно в таких кабинетах есть по меньшей мере одна книга, посвященная сексуальному насилию над детьми, – «Израненное сердце», например. Когда одна из психологов-мозгоправов, к которой я ходил, застала меня за разглядыванием этой книжки, она так и сказала:

– Это книга о сексуальном надругательстве над детьми.

А я такой:

– Хм, да?

А она:

– Это для людей, которые подверглись насилию.

Ну и я кивнул.

– С тобой такое было?

У нее было маленькое старческое личико с копной поседевших добела волос. Больше я к ней не ходил. Что вообще за вопрос? Не подвергался я никакому насилию. Будь это так, все стало бы намного проще. Тогда у меня была бы вес-

кая причина таскаться по кабинетам мозгоправов. Было бы оправдание и что-то, над чем можно работать. Но жизнь приготовила мне подлянку, с которой так просто не разделаться.

– У меня все нормально, – отвечаю я на вопрос доктора Минервы. – Ну, то есть не совсем нормально, раз я здесь.

– Тебя это беспокоит?

– Конечно.

– Да, ты уже давно сюда ходишь.

Доктор Минерва всегда потрясающе выглядит. Не сказать, что она как-то по-особому хороша, просто умеет себя подать. Сегодня на ней красный свитер и подобранная тон в тон губная помада. Как будто она специально ходила в магазин красок, чтобы подобрать цвета.

– Я хочу перестать сюда приходить.

– Что ж, ты движешься к этому. Как твои дела?

Это у нее такой наводящий вопрос. Мозгоправы всегда их задают. Один мозгоправ всегда спрашивал: «Что, как?», «Как мы поживаем?» или даже: «Что новенького в мире Крейга?» Это у них так заведено. Такие прибаутки. У каждого свои.

– Сегодня у меня было неприятное пробуждение.

– А спал ты хорошо?

– Нормально.

Она сидит как каменная и смотрит прямо перед собой. Не знаю, как они делают это специальное психолоицо кирпичом. Как у игроков в покер. Психологам пошло бы играть в покер.

Кто его знает, может, так они и делают. Может, это как раз они и выигрывают на разных телешоу сумасшедшие деньги. И после этого имеют наглость выставлять моей матери счет в 120 баксов за час. Вот жадюги.

– И что произошло, когда ты проснулся?

– Мне что-то снилось, уже не помню что, но когда я проснулся, то с ужасом понял, что уже не сплю. Меня как кирпичом в пах садануло.

– Как кирпичом в пах, понятно.

– Я не хотел просыпаться. Мне было гораздо лучше, когда я спал. Меня это угнетает. Это как ночной кошмар наоборот, понимаете? Люди испытывают облегчение, когда просыпаются от кошмара, я же просыпаюсь в него.

– И что это за кошмар, Крэйг?

– Жизнь.

– Жизнь – это кошмар?

– Ну да.

Тут мы замолкаем. Вроде как важный момент. Неужели жизнь в самом деле похожа на кошмар? Чтобы поразмыслить над этим, нам нужно не меньше десяти секунд.

– И что ты сделал, когда понял, что проснулся?

– Остался в кровати.

Я мог бы рассказать еще кое о чем, но не стал. Например, этим утром я лежал в постели голодный. Накануне вечером я ничего не ел. Допоздна делал уроки, вымотался и, упав на подушку, уже понимал, что утром горько об этом пожалею:

проснусь жутко голодным – и точно переступившим грань, за которой мой желудок так подведет, что я не смогу съесть ни куска. Я проснулся, мой желудок крутило так, будто он пожирал себя изнутри. Но я не хотел ничего с этим делать. Я не хотел есть. При одной мысли о еде живот начинал болеть еще сильнее. Я не придумал ничего, что смог бы в себя впихнуть, кроме кофейного йогурта, но от него меня уже тошнило.

Я перевернулся на живот, стиснул кулаки и прижал их к животу, как будто молился. Кулаки вмяли желудок внутрь, обманули его, заставили поверить, будто он полон. И вот я лежу в этой позе, мне тепло, голова кружится, секунды уходят одна за другой.

Я пролежал так почти час и встал только по естественной нужде, которая еще никогда меня не подводила.

– Я встал, потому что мне нужно было отлить.

– Понятно.

– Это было так классно.

– Ты уже говорил, что тебе нравится мочиться.

– Ага. Это просто.

– Тебе нравится, когда просто.

– Это всем нравится, разве нет?

– Некоторые любят преодолевать сложности, Крэйг.

– Ну, это не мой случай. По дороге сюда я думал... представлял себе, что мог бы работать велокурьером.

– Так.

– Занятие проще некуда, все понятно, и тебе платят. Это стало бы моим Якорем.

– А как же школа, Крэйг? Твой Якорь – школа.

– Нет, в школе намешано столько всего, и она распадается на кучу всяких непонятностей.

– Ты про Щупальца.

Мне пришлось объяснить доктору Минерве свой словарь, и она довольно быстро с ним освоилась. Щупальцами я называю злые задачи, которые вторгаются в мою жизнь. Например, урок американской истории на прошлой неделе, для которого нужно было написать доклад на тему «Оружие времен Войны за независимость», для чего мне пришлось тащиться в Метрополитен-музей, чтобы посмотреть на старые ружья, а значит, спуститься в метро, а значит, на целых сорок пять минут остаться без почты и мобильного телефона, из-за чего я не смог ответить на письмо учителя, который предлагал всему классу задания на дополнительные баллы, а значит, другие ученики схватили все задания, и я не получу 98 баллов и не приближусь к среднему баллу в 98,6 (необходимая вам температура тела по Фаренгейту), вследствие чего не поступлю в Хороший Университет, а значит, не получу Хорошую Работу и у меня не будет Хорошей Страховки, следовательно, я буду тратить кучу денег на мозгоправов и лекарства, чтобы котелок варил, следовательно, у меня не будет денег для обеспечения Хорошего Уровня Жизни, чего я буду стыдиться, а значит, впаду в депрессию, и это будет

полный капец, потому что мне ли не знать, что это такое: из-за депрессии я не смогу подняться с кровати, что приведет к логичному концу – я буду бомжевать. Потому что, если человек слишком долго не встает с кровати, к нему приходят специальные люди и уносят ее.

Якоря – это противоположность Щупалец. Якоря занимают мой мозг, и я на время чувствую себя хорошо. Кататься на велосипеде – Якорь. Составлять карточки – Якорь. Сидеть у Аарона и смотреть, как пацаны рубятся в видеоигры, – Якорь. Задачи должны быть простыми и идти одна за другой. Решать ничего не надо. Никаких тебе Щупалец. Только то, что мне по силам. И не нужно общаться с другими людьми.

– На свете немало Щупалец, – признаю я. – Наверное, я мог бы с ними справиться, но проблема в том, что я слишком ленивый.

– Что в твоем понимании «ленивый», Крэйг?

– Каждый день я не меньше часа валяюсь в кровати. Потом расхаживаю туда-сюда. Бывает, раздумываю о чем-то. Трачу время впустую, сижу тихо и помалкиваю, потому что боюсь, что буду заикаться.

– Ты заикаешься?

– У меня не получается нормально говорить, если я в депрессии: запинаясь на полуслове.

– Понятно. – Она что-то записывает в свой линованный блокнот.

«Это все пойдет в мое личное дело», – думаю я.

– Я не... – Я трясу головой. – Ну, насчет велика...

– Что? Что ты хотел сказать?

Это еще один фирменный приемчик мозгоправов. Они никогда не дают тебе оборвать мысль. Уж если открыл рот, будь готов к тому, что они вытащат из тебя все, чем ты собирался поделиться. Официально это объясняется тем, что самое важное о себе люди недоговаривают или обрывают на полуслове, но я думаю, что так мозгоправы дают вам почувствовать вашу значимость. По крайней мере, мне больше никто никогда не говорил: «Погоди, Крэйг, что ты хотел сказать?»

– Я хотел сказать, что не в заикании дело. Думаю, это просто один из симптомов.

– Как потливость.

– Ну да.

Потливость – это просто кошмар. Не такой, конечно, как невозможность поесть, но выглядит довольно странно: на лбу выступает ледяной пот с острым запахом кожи, который приходится вытирать каждую минуту. Обычно люди мало что замечают, но это точно видят.

– Но ведь сейчас ты не заикаешься.

– Консультация стоит денег – не хочу тратить время попусту.

Мы замолкаем. Теперь между нами разыгрывается очередная молчаливая битва: я смотрю на доктора Минерву, она смотрит на меня. Это такое соревнование – кто проколется

первым. Она натягивает свое непроницаемое лицо, а у меня запасных лиц нет, у меня всего одно – обычное лицо Крэйга.

Мы смотрим друг другу в глаза. Я жду, что она скажет что-нибудь глубокомысленное, – жду, пусть даже это никогда не произойдет. Жду, что она скажет: «Крэйг, тебе просто нужно сделать то-то и то-то» – и сразу произойдет Сдвиг. Я так хочу, чтобы произошел Сдвиг! Хочу почувствовать, что мои мозги становятся на место, туда, где им положено быть, туда, где они были до прошлой осени, когда я чувствовал себя юным и свежим, схватывал все на лету, и мои учителя наперебой твердили, что я подаю огромные надежды (а так и было), когда я без страха отвечал в классе, потому что был любознательным и умным, и все мне было интересно. Я так мечтаю о Сдвиге! Я постоянно жду слов, от которых он наступит. Это как чудо, которое перевернет всю мою жизнь. Но разве доктор Минерва похожа на чудесную волшебницу? Нет. Это просто худая смуглая гречанка с покрашенными губами.

Она отводит глаза первой.

– Вернемся к велосипеду. Ты сказал, что хочешь быть велокурьером?

– Да.

– У тебя же есть велосипед, верно?

– Да.

– Часто на нем катаешься?

– Не очень. Мама не разрешает мне ездить на нем в школу.

Но по выходным я катаюсь по Бруклину.

– Что ты чувствуешь, когда катаешься на велосипеде, Крэйг?

Я ненадолго задумываюсь, а потом говорю:

– Я чувствую геометрию.

– Геометрию.

– Ну да. Там все понятно: «Не врежься в грузовик. Не ударься головой об эти металлические трубы. Сверни направо». Все правила известны, надо только выполнять.

– Как в видеоигре.

– Точно. Обожаю видеоигры. Даже люблю смотреть, как играют другие. Еще с тех пор, как был маленьким.

– Ты часто повторяешь, что был счастлив в то время.

– Да.

Я разглаживаю рубашку. Я тоже специально одеваюсь для этих наших встреч. Приличные брюки цвета хаки и хорошая белая рубашка. Мы наряжаемся друг для друга. Наверное, нам нужно сходить куда-нибудь выпить кофе и устроить скандал – греческий психотерапевт и ее любовник-старшекласник! Мы бы прославились. Я заработал бы на этом денег. Может, хоть это меня порадовало бы.

– Можешь вспомнить что-нибудь, от чего ты был счастлив?

– Видеоигры, – смеюсь я.

– Что здесь смешного?

– Иду недавно по своему кварталу, а за мной – мама с ре-

бенком, и она говорит: «Все, Тимми, больше никакого нытья на эту тему! Нельзя играть в видеоигры сутками». А Тимми такой: «Но я хочу!» Я оборачиваюсь и говорю ему: «Я тоже».

– Хочешь целыми днями играть в видеоигры?

– Или смотреть, как другие играют. Я просто не хочу быть мной. У меня получается не быть мной, когда я сплю, или играю, или катаюсь на велике, или учу что-нибудь. Главное, что это происходит, когда я отключаю мозг.

– Похоже, ты хорошо знаешь, чего хочешь.

– Да.

– А чего ты хотел, когда был маленьким? В то время, когда был счастлив? Кем хотел стать, когда вырастешь?

Я думаю, что доктор Минерва – неплохой мозгоправ. Это, конечно, не решение всех моих проблем, но вопрос что надо: кем я хотел стать, когда вырасту?

Три

Вот как обстояли дела, когда мне было четыре.

Жили мы в паршивой квартирке на Манхэттене. Я тогда еще не знал, что она паршивая, ведь в других я еще не жил, так что сравнивать мне было не с чем. Ну так вот, были у нас там трубы по всем стенам. Ничего хорошего, я вам скажу. Вряд ли вы захотите растить ребенка в квартире с выступающими наружу трубами. Я помню, что там были зеленая, красная и белая трубы – все три собраны вместе в углу коридора, как раз перед ванной, и как только я научился ходить, то сразу начал их исследовать: подходил и держал ладошку в миллиметре от каждой, чтобы проверить, горячая труба или холодная. Была одна холодная, одна горячая, а красная – ну о-о-очень горячая. Миллиметра оказалось недостаточно, и я обжегся. Тогда папа даже не понял, почему она была горячая. «Их же должны включать только вечером!» – воскликнул он и упрятал трубу под серую пену и изоленту. Но когда меня останавливала изолента? А пену было очень приятно отщипывать и жевать, так что я отщипывал и жевал. Когда к нам в дом приходили другие дети, я подначивал их дотронуться до оголенной трубы; я говорил, что каждый, кто пришел в гости, должен тронуть трубу, иначе он тряпка. Это слово я услышал от папы, смотревшего телик, и мне оно ужасно нравилось, потому что у него оказалось два значения:

во-первых, это обычный кусок ткани, а во-вторых, так можно обзывать людей, чтобы заставить их что-нибудь сделать. Совсем как слово «курица», у которого тоже два значения: птица, которая бегает туда-сюда, и белое мясо, которое едят. А некоторые, если назвать их трусливыми курицами, готовы дотронуться до горячей трубы.

У меня была своя комната, но я не любил оставаться там один. Мне нравилось только в гостиной, под столом, где хранились энциклопедии. Я превратил это место в свою маленькую крепость, занавешивал стол одеялом и занимался там при свете, который провел мне папа. Меня увлекали карты, ими я и занимался. Я знал, что мы живем на Манхэттене, у меня была карта Манхэттена – «Атлас пяти административных округов Нью-Йорка» со всеми их улицами. Я точно знал, где мы живем: на углу 53-й улицы и 3-й авеню. Третья авеню была желтая, потому что авеню – большие, длинные и важные. Пятьдесят третья улица была маленькая и белая, она шла через Манхэттен. Улицы идут вбок, а авеню – сверху вниз, вот и все, что нужно запомнить.

Папа тоже помогал мне запоминать – например, когда мы с ним ходили поесть блинчики. Бывало, он спрашивал: «Ну что, Крэйг, порежем их на улицы и авеню?» А я говорил: «Да!» – и он резал стопку блинчиков сеточкой, а потом мы ели по кусочку, давая название каждой улице и авеню, и обязательно доходили до 3-й авеню и 53-й улицы. Это было так просто. Развитые дети (вроде меня, ха-ха) знали даже, что по

четным улицам транспорт движется на восток (Восток четный), а по нечетным – на запад (Запад нечетный). При этом было еще несколько улиц – они были толстые и желтые, как авеню, – где движение шло в обе стороны: это знаменитые 42-я, 34-я. Вот полный список снизу вверх: Чеймберс-стрит, Канал-стрит, Хаустон-стрит, 14-я улица, 23-я, 34-я, 42-я, 57-я, 72-я (среди 60-х улиц не было ни одной большой, не повезло им), 79-я, 86-я и 96-я – и все, вы уже в Гарлеме. По крайней мере, для маленьких белых мальчиков, которые строят крепости под энциклопедиями и изучают карты, Манхэттен на этом точно заканчивался.

Как только я увидел карту Манхэттена, мне захотелось нарисовать ее. Неужели я не в состоянии нарисовать место, где живу? Я попросил у мамы кальку, и та ее принесла, я отнес кальку в свою крепость и направил лампу на первую карту в Хэгстромовском атласе, на Даунтаун, где была Уолл-стрит с ее фондовыми биржами. Улицы в этом районе совершенно безумные, ничего общего с нормальными улицами и авеню: у них есть названия, и они похожи на россыпь палочек в игре «Микадо». Но, прежде чем приступить к улицам, нужно было правильно очертить границы. Вообще-то, Манхэттен построен на земле. Когда строители раскапывают улицы во время ремонта, даже видно – под дорогой настоящая почва! Внизу остров изгибается так, что напоминает голову динозавра: ухабистые очертания справа, прямая слева и пикирующая линия снизу.

Я наложил кальку и попытался обвести границу нижнего Манхэттена.

И не смог.

У меня вышла какая-то ерунда. Ничего общего с тем, что на карте. Я ничего не понимал – как же так, ведь я держал кальку ровно! Я посмотрел на свою маленькую руку: «Не дергайся», – приказал я ей. Скомкал кальку и начал снова.

Линия снова вышла неправильная. У нее не было красивого размаха.

Я скомкал кальку и начал сначала.

На этот раз вышло еще хуже. Манхэттен получился квадратный.

Я попробовал еще раз.

О нет, теперь он был похож на утку.

Скомкал.

На этот раз получилось похоже на дерьмо – еще одно слово, которому я научился от папы.

Скомкал.

Теперь Манхэттен был похож на фруктовый ломтик.

Он получался похожим на что угодно, только не на то, что надо, – на Манхэттен. У меня не получалось его нарисовать. Откуда мне было знать, что для копирования нужны специальный стол с подсветкой снизу и зажимы для надежной фиксации бумаги, а не дрожащая ручонка четырехлетнего мальчугана, поэтому я решил, что дело во мне. По телевизору всегда говорили, что человек может сделать все, что

захочет, и вот я старался вовсю, а у меня не получалось. Значит, теперь уже никогда не получится. Я скомкал последний листок кальки и зарыдал в своей крепости, уронив голову на руки.

Заслышав плач, мама меня окликнула:

– Крэйг!

– Чего? Уйди!

– Что случилось, сынок?

– Не открывай занавеску! Не открывай! У меня тут дело!

– Почему ты плачешь? Что такое?

– Не получается!

– Да в чем дело?

– Ни в чем!

– Ну же, скажи мамочке. Сейчас я подниму покрывало...

– Нет!

Я выскочил из-под стола прямо в ту же секунду, когда она откинула покрывало, которое зацепилось за энциклопедии. Мама вскинула руки и успела удержать стопки на месте, чтобы нас не засыпало тяжелыми книгами. (Через неделю она заставила отца убрать энциклопедии.) Воспользовавшись тем, что она занята книгами, я бросился вон из комнаты, размазывая слезы, чтобы успеть добежать до ванной, где я хотел, не включая света, сесть на унитаз и поплескаться себе на лицо горячей водой. Но мама, проявив невиданную прыть, оттолкнула энциклопедии на место, промчалась через комнату и сгребла меня тонкими руками с обвисшей на

локтях кожей. Я стал лупить ее ладошками.

– Крэйг! Маму бить нельзя!

– Я не могу, не могу, не могу! – кричал я, ударяя снова, но мама обняла меня так крепко, что я больше не мог замахнуть.

– Чего ты не можешь?

– Не могу нарисовать Манхэттен!

– Что? – Мама подняла лицо, отстранилась и заглянула мне в глаза. – Так вот, значит, какое у тебя там дело?

Я кивнул, шмыгая носом.

– Ты хотел перевести Манхэттен на ту кальку, которую я тебе купила?

– Я не умею!

– Крэйг, этого никто не умеет, – рассмеялась мама. – Просто от руки нельзя ничего начертить. Это невозможно!

– Как же тогда делают карты?

Мама замешкалась с ответом.

– Ага, видишь? Видишь? Значит, кто-то может!

– Крэйг, карты рисуют с помощью специального оборудования. У взрослых есть для этого особые инструменты.

– Тогда мне тоже нужны такие инструменты!

– Крэйг.

– Давай купим!

– Детка.

– Они что, очень дорогие?

– Сынок.

Мама усадила меня на диван, который по ночам служил им с папой постелью, и села рядом. Я больше не плакал и не дрался. Тогда мои мозги еще не застряли в тупике и были в порядке.

– Крэйг, – мама вздохнула и посмотрела на меня, – я кое-что придумала. Может, вместо того чтобы тратить время на копирование карт Манхэттена, ты попробуешь сделать свои собственные карты? Карты воображаемых мест?

Никогда в жизни я не испытывал такого озарения.

Я смогу придумать и сделать свой собственный город. Сам придумаю улицы, нарисую реку там, где мне захочется, расположу океан там, где пожелаю, возведу мосты там, где захочу, проложу огромную магистраль прямо через центр города – как надо было бы сделать на Манхэттене. По-своему расположу метро. Сам назову все улицы. Я даже сделаю свою координатную сетку до самых краев карты! Я улыбнулся и обнял маму.

Она раздобыла для меня толстую бумагу – настоящий плотный ватман, хотя потом я предпочитал ровную бумагу для принтера. Я вернулся в свою крепость, включил свет и приступил к своей первой карте. Последующие пять лет я постоянно рисовал карты, даже на уроках, вместо того чтобы чиркать каракули на листочках. Я нарисовал их несколько сотен, не меньше. Закончив, я их тут же комкал – для меня был важен сам процесс. Я создавал города на берегу океана, города в месте слияния двух рек и города в месте изгиба од-

ной реки, города с мостами, безумными развязками, площадями и бульварами. Я был счастлив, когда создавал города. Это был мой Якорь. До тех пор, пока мне не исполнилось девять и я не переключился на видеоигры, я твердо знал, кем буду, когда вырасту, – картографом.

Четыре

– Я хотел рисовать карты, – говорю я доктору Минерве.

– Какие карты?

– Карты больших городов.

– На компьютере?

– Нет. От руки.

– Понятно.

– Наверное, это не очень популярная профессия и работы у них немного, – улыбаюсь я.

– Возможно, нет, а может быть, и да.

Типичный ответ мозгоправа.

– На «может быть» я надеяться не могу. Мне нужно зарабатывать деньги.

– О деньгах мы поговорим в следующий раз. А сейчас нам придется закончить.

Я смотрю на часы: 7:03. Она всегда дает мне три лишние минуты.

– Чем займешься, когда выйдешь отсюда?

Она постоянно об этом спрашивает. Ну что я обычно делаю? Пойду домой, буду психовать. Буду сидеть с семьей за столом и стараться не говорить о себе и о том, что не так. Постараюсь поесть. Потом постараюсь заснуть. Оба этих занятия приводят меня в ужас: я не могу есть и не могу спать. Вы в курсе, что у меня по этой части все не как у нормаль-

ных людей?

– Эй, в чем дело, солдат?

– Сэр, я не могу есть и не могу спать.

– А если тебя начинить свинцом,
Станешь ли ты снова молодцом?

– Не могу знать, сэр! Свинец меня малость утяжелит,
Но вряд ли вернет сон и аппетит.

– Тогда вставай и сражайся, солдат!

Со всех сторон наступает враг!

– Я не могу сражаться с врагом.

Он слишком силен, он слишком умен.

– Солдат, но ты ведь тоже умен!

– Боюсь, не настолько.

– Значит, ты хочешь сдаться, солдат?

– Вы угадали, таков мой план.

– Постараюсь держаться, – говорю я доктору Минерве. –

Что мне еще остается? Буду держаться и надеяться, что мне станет лучше.

– Ты принимаешь лекарства?

– Да.

– К доктору Барни ходишь?

Доктор Барни – психофармаколог. Это он выписывает мне таблетки и направляет к мозгоправам вроде доктора Минервы. Забавный такой тип, с кольцами на пальцах и похож на упитанного Санту в миниатюре.

– Да, на этой неделе пойду.

– Помни, что нужно делать все, что он говорит.

«Да, доктор. Как скажете. Я буду выполнять то, о чем все вы говорите».

– Вот, – протягиваю я доктору Минерве чек от мамы.

Пять

Моей семье со мной не повезло. Они надежные, хорошие люди, всегда всем довольны. Иногда, когда я с ними, мне кажется, что я попал на телепередачу.

Мы живем в Бруклине, наша квартира гораздо лучше той, что была на Манхэттене, но все равно не такая, чтобы можно было гордиться. Бруклин – это такой огромный жирный пузырь уродливой формы наискосок от Манхэттена, весь изрезанный каналами и заливами – грязными зелеными полосками воды, напоминающими о том, что некогда здесь было болото. Чем-то он похож на морщинистую фигуру Джаббы Хатта, подсчитывающего свои деньги. Особняки из известняка и темно-бордового кирпича стоят рядами вдоль улиц, как столбы изгороди, и вокруг них постоянно суетятся индусы: что-то подновляют или подкрашивают. Все просто сходят с ума по этим домам и выкладывают за них миллионы. В остальном же это довольно беспонтовое место. Очень жаль, что мы уехали с Манхэттена, где живут по-настоящему влиятельные люди.

От нашего дома до офиса доктора Минервы довольно близко, но идти приходится через улицу, сплошь усеянную издевательскими магазинами – магазинами с едой. Когда ты в депрессии, нет ничего хуже еды. Отношения человека с едой – самые важные отношения. По-моему, даже отноше-

ния с родителями не так важны. На свете есть люди, которые вообще никогда не знали своих родителей. А отношения с друзьями так и вовсе не важны. Вот отношения с воздухом – совсем другое дело. Ты не можешь взять и поссориться с воздухом. Вы вроде как неразлучны. На втором месте вода. А потом уже еда. Попробуй-ка бросить еду, чтобы закрутить с кем-нибудь другим! С едой надо дружить, договариваться.

Мне никогда не нравилась традиционная американская кухня: все эти свиные отбивные, стейки, каре ягненка... Я и сейчас их не люблю. К овощам я тоже равнодушен. Мне нравилась еда абстрактной формы: куриные наггетсы, фруктовые рулеты, хот-доги. Я любил фастфуд. Запросто мог сместь пакет сырных палочек, и их запах так въедался в подушечки пальцев, что я целыми днями носил его на себе. Короче, у меня были нормальные отношения с едой, как у всех остальных людей: проголодался – значит, поешь.

Но прошлой осенью я вдруг перестал есть.

Теперь все эти гастрономы, пиццерии, кафе-мороженое, пекарни, индийские и китайские забегаловки, суши-бары и Макдоналдсы насмеваются надо мной. Они вольготно расположились на улице, выставляя напоказ то, чем я не могу насладиться. Мой желудок как будто съежился: теперь он вмещает в себя совсем чуть-чуть, а если я запикиваю в себя больше, чем надо, он выбрасывает обратно вообще все, и мне приходится бежать в ванную, чтобы блевать в темноте. Похоже вроде как на ноющий голод, как будто к концу

моего пищевода привязали веревку и там, внутри, живет человек, который постоянно хочет есть, но не знает других способов сообщить об этом, кроме как тянуть за веревку, – а когда он за нее тянет, вход в пищевод закрывается, и я не могу ничего туда протолкнуть. Если бы этот человек мог расслабиться и выпустить веревку, я бы дал ему любую еду, какую он только пожелает. Но он никогда не расслабляется, он доводит меня до изнеможения и головокружений, а когда я прохожу мимо ресторанов, благоухающих маслом и жиром, он затягивает веревку еще туже.

Когда я все-таки ем, сценариев всегда два: или Битва, или Побоище. Если мне плохо, если в моих мозгах происходит Зацикливание – тогда это Битва. Мой желудок наотрез отказывается принимать пищу, и каждый кусок дается с мучением и через силу. Еда хочет остаться на тарелке, а оказавшись у меня внутри, хочет немедленно вернуться обратно. Люди косятся на меня: «В чем дело, Крэйг, почему ты не ешь?»

Хотя бывают моменты, когда все налаживается. Сдвиг еще не наступил, возможно, он никогда и не наступит, но иногда мои мозги встают туда, где им положено находиться. Это случается частенько, так что я не теряю надежды. Когда я переживаю один из таких моментов (я называю их «Ложные Сдвиги»), то всегда должен поесть, хотя не всегда это делаю: иногда я из какого-то тупого упрямства пытаюсь воспользоваться временным улучшением и, пока мозги на месте, стараюсь переделать как можно больше дел, забывая о

еде. И тут все – приехали к тому, что было. Но если уж мне становится лучше, тогда еде несдобровать – смету все. Яйца и гамбургеры, картошку фри и мороженое, мармелад и хлопья, печенье и брокколи, даже лапшу с соусом. Мне без разницы, я слопаю вас всех! Я, Крэйг Гилнер, заберу вашу силу. Когда еще мой организм наладится и я снова смогу есть, я не в курсе, так что сожру вас всех прямо сейчас, не откладывая.

Как же приятно. Человечек со своей веревкой исчезает, и я ем все подряд. Наверное, он занят тем, что ест все сыплющееся сверху, носится туда-сюда, как курица с отрубленной головой, а голова в это время валяется на полу и жрет сама по себе. Я впитываю еду каждой клеткой, и они наслаждаются этим, благодарят мой мозг за пищу, я улыбаюсь, я сыт и счастлив; я сыт, я работоспособен, я могу сделать все что угодно. А теперь самая приятная часть – когда я поем, я снова могу спать, и я сплю как положено, как охотник, который притащил домой добычу... Но потом я просыпаюсь, и человечек внутри снова на своем месте, затягивает веревку на желудке. Даже не знаю, что привело к Побоищу еды. Это точно не из-за травки. Не из-за девочек. И не в семье дело. Я начинаю думать, что причина в обмене веществ, а значит, нужно ожидать Сдвига, но его все нет и нет.

Шесть

Весной не бывает закатов. Почти стемнело, только тонкая серая полоска догорает на краю неба. Деревья отяжелели от дождя, и мелкая морось сыплется на меня сверху, когда я наконец добираюсь до дома. Я устремляюсь к двери и давлю на протертую до бронзы кнопку – самую затертую во всем доме.

– Крэйг, ты?

– Привет, мам.

«Бз-з-з» – гулко разносится по вестибюлю. Хотя «вестибюль» – это громко сказано, скорее почтовый угол, потому что это просто закуток с почтовыми ящиками. Я распахиваю одну дверь, потом вторую. Дома тепло, пахнет выпечкой. Собаки выбегают навстречу.

– Привет, Руди. Привет, Джордан.

Собаки у нас мелкие. Имена им дала моя сестра, сейчас ей девять лет. Руди – метис, папа говорит, что он помесь чихуахуа и немецкой овчарки, короче, плод какого-то дикого собачьего секса. Надеюсь, овчарка была мальчиком, потому что девочка-овчарка вряд ли осталась бы довольна. У Руди заметная аномалия прикуса, он выглядит так, будто это не одна, а две собаки, причем одна из них кусает голову другой снизу. Но девушки, которых мы встречаем на прогулке, просто обожают его и заговаривают со мной. Впрочем, они

быстро понимают, что я еще мелкий, или у меня не все дома, или то и другое сразу, и проходят мимо.

Другая наша собака – тибетский спаниель Джордан, похожий на маленького коричневого льва. Он мелкий, симпатичный, но совершенно чокнутый. Эту породу вывели на Тибете для охраны монастырей. Когда Джордан попал к нам, он немедленно сообразил, что наш дом – это монастырь, ванная – это святилище, а мама – настоятельница. С тех пор стоит кому-то приблизиться к маме, как Джордан бросается ее защищать. Когда она по утрам идет в ванную, он непременно сопровождает ее и сидит на шкафчике возле раковины, пока она чистит зубы.

Джордан облаивает меня. Он стал это делать, как только у меня начались проблемы с головой. Но мы об этом помалкиваем.

– Как ходил к доктору Минерве, Крэйг? – говорит мама, выходя из кухни.

Она высокая, до сих пор не потеряла стройности и с каждым годом выглядит все лучше. Знаю, звучит странно, но какого черта: так уж получилось, что эта потрясающая женщина к тому же моя мать. Просто поразительно, насколько все более уверенной и величественной она становится с годами. Я видел ее фото времен учебы в универе – там ей до этого далеко. Отец же все эти годы выглядит так, что с женитьбой точно не прогадал.

– Все... нормально.

Я обнимаю маму. Она окружила меня такой заботой с тех пор, как я заболел, куда я без нее, я ее люблю и говорю об этом постоянно, хотя с каждым разом слова потихоньку выцветают. Наверное, запас «я тебя люблю» не бесконечен.

– Она тебя все еще устраивает?

– Ага.

– Потому что, если нет, мы подыщем кого-нибудь другого.

«Никого вы не подыщете», – думаю я, глядя на трещину в стене рядом с мамой. Эта трещина красуется у нас в коридоре уже года три-четыре. Папа подмазывает ее, но она снова проступает. Мы пробовали повесить сверху зеркало, но стена коридора – неудачное, прямо скажем, место для зеркала. Моя сестра прозвала его «вампирическим зеркалом», по которому можно определять, вампиры наши гости или нет. А через несколько недель после того, как повесили зеркало, я пришел домой обкуренный, треснул о него и уронил на пол. Теперь трещина по-прежнему красуется на своем месте. Она тут навсегда.

– Не надо никого искать.

– Как с аппетитом? Ты голодный?

Да, наверное. Я попробую съесть то, что приготовила мама. Я все еще контролирую свой разум, я пью таблетки, я это сделаю.

– Да.

– Отлично! Марш на кухню!

Я вхожу на кухню и вижу, что к моему приходу уже все

накрыто. За круглым столом, позируя с вилками и ножами в руках, сидят папа и Сара, моя сестра.

– Как мы выглядим? – спрашивает отец, барабаня приборами по столу. – Видно, что мы голодные?

Мои родители постоянно ищут все новые и новые способы меня вылечить. Они уже перепробовали акупунктуру, йогу, когнитивную терапию, расслабляющую музыку, всевозможные виды физической активности (пока я не остановился на велике), книги по самосовершенствованию, тай-бо и даже оформили мою комнату по фэншуй. Кучу денег на меня спустили. Стыдно даже.

– Есть, есть, есть! – скандирует Сара. – Мы не начинали без тебя!

– Зачем это все? – спрашиваю я.

– Мы просто хотим, чтобы тебе было уютнее.

Мама ставит на стол форму для запекания. Внутри какие-то сочные оранжевые штуковины, нарезанные на половинки, от них пышет жаром.

– Сегодня у нас тыква сквош, – говорит мама, снова поворачиваясь к плите, – рис и курица.

Она приносит кастрюльку белого риса, пересыпанного кусочками овощей, и блюдо с куриными наггетсами. Я нацеливаюсь на наггетсы – кусочек в форме звезды, кусочек в виде динозавра. Сара перехватывает у меня динозавра.

– Динозавры, чур, мои!

– Ладно, – уступаю я ей.

Сестра толкает меня ногой под столом.

– Как ты? – спрашивает она шепотом.

– Не очень.

Она кивает. Сара понимает, что это значит. Это значит, что сегодня вечером она снова увидит меня на диване, где я буду дрожать, крутиться и потеть, а мама будет поить меня теплым молоком. А еще она увидит, как я, вместо того чтобы делать домашку, буду сидеть у телика, но не смотреть, а просто пялиться и даже не смеяться. Она снова увидит, как я тону в трясине и терплю поражение. Сара делает из этого правильные выводы. Она еще лучше учится и еще больше веселится. Она не хочет стать похожей на меня. Ну хотя бы даю кому-то пример того, как не нужно поступать.

– Мне жаль. Они так стараются для тебя.

– Я знаю.

– Ну что, Крэйг, как в школе? – спрашивает папа.

Он накалывает на вилку кусочек тыквы и смотрит на меня сквозь очки. Папа невысокий и носит очки, зато, как он любит повторять, у него есть волосы – густая темная шевелюра, которая передалась и мне. Папа говорит, что мне крупно повезло, потому что с обеих сторон мне достались отличные гены, а «если ты вообразил, что у тебя депрессия, то представь, что с тобой было бы, знай ты, что скоро облысеешь, как все остальные!» Прямо обхохотаться как смешно.

– Нормально, – говорю я.

– Чем занимался?

– Сидел в классе и выполнял указания учителя.

Мы звеним приборами. Я отправляю в рот первую порцию – тщательно уложенные на вилку рис, курицу, тыкву – и разминаю по небу. Я это съем. Я жую, чувствую, что это вкусно, поэтому приподнимаю язык и проталкиваю еду дальше. Я ее удержу. Так, порядок. Еда внутри.

– Как прошла... эта... история Америки?

– Не очень. Меня вызвали, а я не смог ответить.

– Ах, Крэйг... – говорит мама.

Я начинаю конструировать новую порцию еды.

– Что значит – не смог ответить? – спрашивает папа.

– Я знал ответ, но... но... просто...

– Сбился, – подсказывает мама.

Я киваю и кладу в рот вторую порцию.

– Крэйг, ну нельзя же так.

– Милый... – говорит мама отцу.

– Если знаешь ответ, то надо ответить, что здесь непонятного?

Папа нагребает полную вилку тыквы и закидывает ее в рот как в топку.

– Не нападай на него, – говорит мама.

– Я не нападаю, я пытаюсь поговорить по душам, – улыбается папа. – У тебя светлая голова, Крэйг – просто поверь в себя и отвечай, когда спрашивают. Как раньше. Помнишь, нам даже приходилось просить тебя помолчать хоть немного!

– Теперь все по-другому...

Третья порция пошла.

– Мы с матерью все понимаем и делаем все, чтобы тебе помочь. Верно я говорю? – Он смотрит через стол на маму.

– Да.

– Я тоже! – говорит Сара. – Я тоже делаю все что могу.

– Это правда, – говорит мама, протягивает руку и треплет Сару по волосам. – Ты у нас умничка.

– Вчера я мог бы покурить травку, но не стал, – говорю я, скрючившись перед тарелкой и глядя снизу вверх.

– Крэйг! – рявкает отец.

– Давайте не будем об этом, – говорит мама.

– Но вы должны знать, ведь это важно. Я провожу эксперименты над своим сознанием, проверяю, как оно реагирует.

– Ты понимаешь, о чем говоришь?

– Только не при сестре! – говорит мама. – Слушай, у нас тут с Джорданом такое приключилось!

Услышав свое имя, спаниель вбегает на кухню и занимает неизменный пост возле мамы.

– Сегодня я возила его к ветеринару.

– Значит, ты не ходила на работу?

– Угадал.

– Так вот почему ты сегодня готовила!

– Да, поэтому.

Я завидую маме. Завидую тому, как она управляется со своими делами. Я бы не смог взять выходной, отвезти собаку

к ветеринару, а потом приготовить ужин. Для меня это просто уму непостижимо, я бы и треть этого не осилил. Как же я собираюсь управляться со своим собственным домом?

– И знаешь, что случилось у ветеринара?

– Просто с ума сойти! – говорит Сара.

– У него иногда судороги, вот я и отвезла его в очередной раз, – рассказывает мама. – Ты не поверишь, что сказал ветеринар!

– И что?

– В прошлый раз у Джордана брали кровь на анализ, и вот пришли результаты. Мы с Джорданом ждем в комнатухе, – вел он себя просто отлично, – выходит ветеринар с результатами и говорит: «Эти показатели несовместимы с жизнью».

Я смеюсь так, что еда на вилке трясется.

– Что это значит?

– Я так и спросила! Оказывается, уровень сахара в крови у собак должен быть от сорока до ста. Угадай, сколько у Джордана?

– Сколько?

– Девять.

– Ваф! – тявкает Джордан.

– Это еще не все, – со смехом продолжает мама. – Там есть еще один показатель, что-то связанное с соотношением энзимов, так вот он должен быть между десятью и тридцатью, а у нашего Джордана – сто восемьдесят!

– Хороший песик, – говорит отец.

– Ветеринар просто не знает, как к этому относиться. Он сказал продолжать давать ему пищевые добавки и витамины, но то, что он медицинский феномен, это точно.

Я смотрю на Джордана: вдавленная косматая мордочка, черный нос, большие темные глаза, похожие на мои. Лежит, опустив голову на пушистые передние лапки, пыхтит и пускает слюни.

– По всем показателям жить он не должен, но живет как ни в чем не бывало! – говорит мама.

Я снова смотрю на Джордана. О чем тебе переживать, приятель? У тебя есть отличное оправдание. У тебя плохая кровь. Наверное, тебе нравится жить на свете; по крайней мере, мне бы нравилось, будь я на твоём месте. Только и делаешь, что ешь и охраняешь маму. Вот житуха. Ни тебе тестов, ни тебе домашних заданий. И ты не должен ничего покупать.

– Крэйг?

Ты не должен жить, но живешь. Может, махнемся?

– Э... по-моему, это здорово.

– Это вообще замечательно, – подтверждает мама. – Эта собака живет одной милостью Господней!

Ну да, конечно, Бог. Как я мог о нем забыть?! Если верить маме, без него я не пойду на поправку. Но я уже давно понял, что Бог – никчемный мозгоправ. Он исповедует терапевтическую методику «ничего не надо делать». Ты рассказываешь ему о своих проблемах, а он тупо ничего не делает.

– Я все, – говорит Сара.

Она отставляет свою тарелку и выбегает из кухни, позвав за собой Джордана. Тот трусит за ней.

– Я тоже больше не могу, – говорю я.

Я осилил пять порций. Мой желудок урчит и быстро закрывается. Очень хорошая, совершенно безвредная еда, с ней у меня не будет никаких проблем. А вообще мне следовало бы съесть три тарелки такой еды! Я же растущий организм, у меня не должно быть проблем со сном, я должен заниматься спортом! Должен с девочками встречаться, искать себя в этом мире. Мне бы следовало всю есть, спать, пить, учиться, смотреть телик и быть нормальным.

– Съешь еще немножко, Крэйг, – говорит мама. – Я не заставляю, но ты должен поесть.

Она права. Я съем еще. Я разрезаю тыкву на улицы и авеню, накалываю большой кусок на вилку, отправляю в рот. Я тебя съем. Я жую тыкву, такую мягкую, податливую, так легко принимающую форму, идеально подходящую к моей глотке. Сладковатая. Теперь удержать. Тыква уже в желудке. Я обливаюсь потом. При родителях я потею еще сильнее. В моем желудке шесть порций еды. Он полон. Я смогу удержать в себе шесть порций. Я их не выброшу. Я не выкину еду, которую приготовила моя мама. Если собака может жить, значит, я могу есть. Я держу еду. Сжимаю кулаки. Напрягаю мышцы.

– Крэйг, что с тобой?

– Секундочку, – говорю я.

Я проиграл.

Сдерживая желудочные спазмы, я выбегаю из-за стола.

– *Что ты пытался сделать, солдат?*

– *Я пытался поесть, сэр!*

– *Чем все закончилось?*

– *Я снова думал о всяком дерьме, сэр!*

– *О чем же ты думал, солдат?*

– *О том, что мамина собака хочет жить больше, чем я.*

– *Ты думаешь о враге, солдат?*

– *Не думаю, сэр.*

– *Ты знаешь хотя бы, кто твой враг?*

– *Наверное... это я сам?*

– *Да, солдат!*

– *Я должен вести битву с собой.*

– *Ты прав, солдат, но сейчас ты бежишь в ванную блевать! Трудно сражаться, когда блюешь!*

Я вваливаюсь в ванную, выключаю свет, закрываю дверь. Самое ужасное, что мне это нравится, ведь я знаю, что, как только все закончится, я сразу согреюсь, и тепло разольется по всему телу, пережившему такие муки. Я сгибаюсь над унитазом в полной темноте – я и так знаю, где он, – мой желудок снова содрогается и выплескивает свое содержимое вверх, а я со стоном выпускаю еду из себя. Слышу, как всхлипывает мама, а папа что-то бормочет, наверное, утешает ее. Я дергаю рукоятку смыва, несколько раз спускаю во-

ду и снова наполняю бачок. Когда все закончится, я пойду спать и не буду делать никакую домашку, сегодня у меня нет на это сил.

И вот стою я там и думаю: «Сдвиг наступит. Должен наступить. Потому что если жить как сейчас, то умрешь».

Часть вторая

Как я сюда попал

Семь

Так отчего же у меня депрессия? Вопрос на миллион долларов, детка, вопрос без ответа; даже совы, которые, как известно, знают все, вряд ли на него ответят. Я тоже не знаю. Мне известно только, что за чем шло.

Два года назад я поступил в лучшую среднюю школу на Манхэттене – Подготовительную академию управления. Эту продвинутую школу организовали для воспитания лидеров завтрашнего дня. Участь в ней, вы в обязательном порядке стажируетесь в крупных компаниях, перед учениками выступаете шишки из руководства «Меррилл Линч»¹ и раздают всякие рекламные кружки и тому подобное. Основал ее миллиардер-филантроп по имени Бернارد Лутц. Подготовительная академия управления встроена в государственную систему образования: что-то вроде направления внутри школьной системы, чтобы туда попасть, нужно сдать экзамен в виде тестирования. После этого для счастливицков все обучение бу-

---

¹ Merrill Lynch, «Меррилл Линч» – крупный американский инвестиционный банк.

дет бесплатным и они войдут в число восьмисот умнейших и подающих надежды студентов в мире – и это не считая того, у каких крутых учителей им предстоит учиться и с какими высокопоставленными гостями удастся познакомиться. Окончив Подготовительную академию управления, можно сразу перебраться на Уолл-стрит, хотя это не приветствуется – приветствуется поступление в Гарвард, на юридический факультет. Примерно так и становятся президентами.

Признаюсь, я не прочь стать президентом.

Тест под названием «Благотворительный экзамен Бернарда Лутца» (видимо, в благодарность за его филантропию) стал для меня всем. Он стал важнее, ну, скажем, еды. Я купил специальный учебник – Академия выпускает собственную серию пособий для подготовки к их экзамену – и начал заниматься по три часа в день.

Я тогда учился в седьмом классе и впервые в жизни прочно обосновался в своей комнате: приходил домой с тяжеленным рюкзаком, швырял его на кровать и смотрел, как тот катится к подушкам, потом садился за стол и вынимал пособие к тесту. Я заводил таймер на телефоне и выполнял пробный двухчасовой экзамен. В книге было пять экзаменов, выполнив их все до единого, я с радостью обнаружил в конце рекламу еще двенадцати пособий для экзамена Бернарда Лутца. Тогда я отправился в магазин «Барнс и Нобл», но оказалось, что до сих пор никто никогда не изъявлял желание приобрести весь комплект, и у них не нашлось в наличии всех

двенадцати книг, поэтому они заказали их для меня. И вот тут началась настоящая гонка. Каждый день я выполнял по одному экзамену. Впрочем, среди вопросов попадался обычный шлак для отсеивания идиотов, например, такие вот задания на понимание прочитанного: *«Прочитайте этот отрывок и скажите, какое дерево они хотели спасти»*, на словарный запас: *«Признайтесь, вы купили словарь необычных слов и выучили их все наизусть?»* и по математике: *«Вы можете отключить свой разум от окружающего мира и заполнить его символами в логической последовательности?»*

Я победил этот тест. Я вгрызался в пробные экзамены, спал с пособиями под подушкой и превратил свой мозг в свирепую циркулярную пилу, которой все по зубам. Я сидел за столом под лампой и прямо чувствовал, как с каждым днем наливаюсь знаниями и становлюсь умнее.

И да, когда я переключился в режим Подготовительной академии, то почти перестал тусоваться с друзьями. Вообще-то друзей у меня было не так чтобы много: только ребята, с которыми я сидел в столовой, да и все, но с тех пор, как я начал всюду таскаться с карточками для запоминания, разбежались и они. А что такого-то, что им было не так? Лично я всего лишь хотел использовать время с толком. Когда я перешел все пособия, мне наняли репетитора для подготовки к «Благотворительному экзамену». Мы с репетитором прозанимались половину оговоренного срока, после чего она объявила, что я в ее услугах больше не нуждаюсь, од-

нако мамины 700 баксов все равно оставила себе.

На тестировании я получил 800 баллов из 800.

Я узнал об этом в холодный, унылый осенний нью-йоркский день – мой последний хороший день. Отдельные приятные моменты случались и потом, обычно когда мне становилось лучше, но это был последний раз, когда я чувствовал себя победителем. Письмо из Подготовительной академии управления пришло по почте, и мама оставила его на кухонном столе до моего прихода с занятий по тай-бо. На эти занятия я ходил, чтобы вписать лишнюю строчку в список дополнительных занятий, когда буду поступать в университет. Теперь университет должен был стать моим новым рубежом, очередной ступенью.

– Крэйг, угадай, что пришло!

Я отшвырнул рюкзак и промчался мимо «вампирского зеркала» на кухню. Он был там – большой желтый конверт, такой как надо. Если тест провален, вам присылают маленький конверт, если же вы прошли, то получаете большой.

– Да-а-а! – заорал я.

Я разорвал конверт, вытащил лиловый с золотом пакет документов и поднял над головой, как святыню. Я мог бы на него молиться. Да что там, я бы, наверное, и любовью с ним занялся. Я нацеловывал и прижимал его к груди, пока мама не сказала:

– Перестань, Крэйг. Это ненормально. Может, лучше друзьям позвонишь?

Ах да, я же ей не рассказывал, что с друзьями мы немного разошлись. Не так уж они мне и нужны. Нет, конечно, все знают, что без дружбы никуда, об этом и по телику талдычат, но друзья приходят и уходят. Завести друга несложно: нужно просто разговаривать с людьми, и все. А тогда я еще был в состоянии с кем-то разговаривать. Да и что это за друзья, которые только и делают, что достают тебя или занимают место, стоит только выйти из комнаты. С какой стати мне им звонить?

Другое дело Аарон. Вот он был моим настоящим другом, наверное, даже лучшим другом. Аарон был в классе старше остальных, потому что его отдали в школу на год позже: так было можно, если ты родился на стыке. Родители Аарона приняли правильное решение и отправили его к младшим. Он носил такие прикольные черные очки в квадратной оправе, из-за которых всегда нравился девочкам. Веснушчатый, с копной вьющихся каштановых волос, умный и бесстрашный, он постоянно о чем-то рассказывал. Когда мы встречались, то всегда что-то придумывали: то будильник разберем на части и развесим по стене детали, то сделаем покадровый мультик про трахающихся лего-человечков, был у нас и сайт с фотографиями туалетов.

Я познакомился с ним в столовой, когда, привычно погруженный в свои карточки, сел не глядя за какой-то столик, и один из его друзей спросил, что я тут забыл, но тут подошел Аарон, весь раскрасневшийся от тако, и спас меня, спросив,

что я учу. Оказалось, что мы с ним будем сдавать один и тот же экзамен, только Аарон вообще не готовился – не видел в этом смысла. Он пригласил меня к общему разговору о том, какова была бы принцесса Зельда² в постели, и я сказал, что ужасна, потому что она с подросткового возраста была заточена в башне, но Аарон возразил, что именно из-за этого она была бы суперштучкой.

В ту же пятницу вечером Аарон позвонил мне.

– Не хочешь зайти киношку посмотреть?

Ежедневный пробный экзамен я уже сделал, так что без проблем согласился:

– Конечно.

Аарон жил на Манхэттене, в маленькой квартирке большого дома около ратуши. Я поехал к нему на метро, и моей маме пришлось согласовывать все это с мамой Аарона, и это было жуть что такое. Я представился пузатому консьержу и поднялся на лифте на нужный этаж. Мама Аарона встретила меня и проводила в его комнату с отдельной вентиляцией, куда мы прошли мимо каморки его отца, больше похожей на тюремную камеру, где он что-то писал, время от времени колотясь головой о стол, когда мама Аарона приносила ему чай. Я зашел и плюхнулся на кровать, тогда еще не покрытую красноречивыми пятнами, которыми она покроется в будущем.

---

² Принцесса Зельда – вымышленный персонаж и один из главных героев серии игр The Legend of Zelda, разработанной компанией Nintendo.

– Привет, – сказал Аарон. – Травку покурить хочешь?

Опа. Так вот что значит «киношку посмотреть». Коротко о том, что я тогда знал о наркотиках: мама велела к ним не притрагиваться никогда, а папа сказал, что до сдачи SAT³. Мама победила папу в споре, поэтому я поклялся никогда в жизни не прикасаться к наркотикам. Но у меня были сомнения: а вдруг меня кто-нибудь заставит? Раньше я думал, что наркотики – это что-то такое, что людей заставляют делать насильно: идешь себе по делам, а тут раз – и втыкают в тебя иглу.

– А вдруг меня кто-нибудь заставит, мам? – спросил я у нее. Мы были на детской площадке и разговаривали о наркотиках. – Что, если мне приставят пистолет к виску и заставят принять наркотики?

– Сынок, это делается не так, – ответила мама. – Люди принимают наркотики потому, что сами этого хотят. Ты просто не должен этого хотеть, понял?

И вот я сидел у Аарона дома и хотел. В его комнате пахло как в некоторых уголках Центрального парка, особенно возле озера, где белые парни с дредами играют на бонго.

Я тут же представил себе маму.

– Не-а, – сказал я.

– Да не проблема. – Аарон открыл пахучий мешочек и

---

³ SAT Reasoning Test (а также Scholastic Aptitude Test и Scholastic Assessment Test, дословно «Академический оценочный тест») – стандартизованный тест для приема в высшие учебные заведения в США.

переложил часть содержимого в какое-то интересное приспособление, напоминающее сделанную из металла сигарету. Потом поджег это дело газовой зажигалкой, разом выпустив язычок пламени размером с мой средний палец, и выдохнул дым прямо в стену.

– Разве не нужно открыть окно?

– Не-а, это же моя комната. Я тут делаю что хочу.

– А твоя мама не против?

– Ей хватает хлопот с отцом.

За следующие два года стена, на которую он выпускал дым, полностью потеряет цвет. А со временем, как и все остальное в комнате, она скроется под постерами рэперов с золотыми зубами.

Аарон пару раз затянулся металлической сигаретой, и комната наполнилась затхлым запахом, стало жарко. Потом он объявил:

– Ну что, чувак, пора встряхнуться. Что хочешь посмотреть?

– Боевик.

Ну да, а что? Я же был в седьмом классе!

– Идет! А знаешь, чего я хочу? – Глаза Аарона загорелись. – Хочу кино со скалами!

– Про скалолазов, что ли?

– Необязательно про скалолазание. Просто чтобы там была хотя бы одна сцена, где чуваки дерутся, а потом кто-нибудь падает со скалы.

– Слышал про Пола Стояновича?

– Что за тип?

– Он придумал «Лучшие полицейские погони» и «Копов».

– Гонишь? Ведущий?

– Нет, продюсер. Хотя ведущий тоже крут.

Я пошел за Аароном к входной двери, и мы снова прошли мимо его отца, тот что-то лихорадочно печатал, вытирая пот и чуть ли не сросшись с компьютером. Его мама, шатенка в комбинезоне, остановила нас, подала одежду и угостила печеньем.

– Вот это жизнь! – сказал Аарон. – Пока, мам.

Мы вошли в лифт со ртами, полными печенья.

– Ладно, так о чем ты там говорил? Обожаю «Лучшие полицейские погони», – тут Аарон проглотил печенье. – Особенно круто, когда парень такой... – и он переключился на резкий, напористый говорок комментатора: – «...эти жалкие клоуны думали, что могут плевать на закон, но сейчас ребята из полицейского управления округа Броуард покажут им что почем и отправят их напрямиком за решетку!»

Я загоготал, плюясь крошками.

– Я неплохо пародирую голоса. Хочешь Джея Лено покажу, как он в рекламе пышет огнем на дьявола? Я скопировал это из шоу Билла Хикса!

– Слушай, ты дашь мне закончить про Пола Стояновича?

– Это кто?

Лифт остановился в парадном.

– Ну, продюсер «Лучших полицейских погонь»!

– А, ну да.

Аарон открывает стеклянную дверь в вестибюль. Я выхожу за ним, вытаскиваю и надеваю капюшон.

– Короче, он позировал со своей невестой для свадебной фотосессии. Дело было в Орегоне, как раз на высокой скале. И фотограф им такой: «Чуть назад, теперь немного левее». Короче, они двигались, как он говорил, и чувак сорвался со скалы!

– Вот ни хрена себе! – Аарон покачал головой. – Откуда ты об этом узнал?

– В интернете прочитал, – улыбнулся я.

– Это вообще круто. А что случилось с девушкой?

– Ничего. С ней все нормально.

– Ей надо было засудить фотографа. Она подала иск?

– Не знаю.

– Надо было подать. Я бы его точно засудил. Знаешь, Крэйг, – Аарон посмотрел на меня, глаза у него были покрасневшие, но живые и блестящие, – я хочу стать адвокатом.

– Да ну?

– Ага. Черт бы побрал моего отца! Он вообще ничего не зарабатывает. Жалкий неудачник. Мы живем в этой квартире только благодаря брату моей матери, он адвокат и когда-то давно здесь жил. Сейчас дядя выполняет какие-то заказы для нашего здания, поэтому они согласились сдать квартиру мо-

ей матери. Всему хорошему в жизни я обязан адвокатам.

– Наверное, я бы тоже хотел стать адвокатом, – сказал я.

– Почему нет? Будешь зарабатывать деньги!

– Ну да.

Я поднял глаза от чистого холодного серого манхэттенского тротуара и оглядел окрестности. Все здесь стоило кучу денег. Я посмотрел на продавца хот-догов, самой дешевой фигни в округе, а даже от него фиг уйдешь, не выложив три-четыре бакса.

– Давай станем адвокатами вместе, – сказал Аарон. – Пардис и... Как твоя фамилия?

– Гилнер.

– «Пардис и Гилнер».

– Идет.

Мы пожали друг другу руки и пошли дальше, чуть не сбив с ног маленькую нарядную девочку, шедшую нам навстречу. Повернули на Черч-стрит и взяли в прокате диск «Жизнь против смерти». В этом кино навалом скал, пожаров, нападений животных и несчастных случаев во время затяжных прыжков с парашютом. Потом я сидел, прислонившись к стене, у Аарона на кровати, он курил свою травку, а я отказывался – я подпитывался от него и уверял, что получаю контактный кайф, хотя на самом деле просто чувствовал, что обрел новую рутину. Самые крутые эпизоды «Жизни против смерти» мы ставили на паузу и делали крупным планом: мощные взрывы, крутящиеся колеса после падения грузови-

ка и еще эпизод, где парень кривлялся перед клеткой гориллы, а та засандалила в него камнем. Мы обсуждали, что как-нибудь обязательно снимем свое кино.

Уснул я только в четыре утра, но, когда ночуешь не дома, просыпаешься раньше, и поэтому я встал в восемь. Прошел мимо сидевшего за компьютером отца Аарона и взял из шкафа в гостиной книгу «Латинские корни». Все утро я зубрил «Латинские корни» для теста.

С тех пор так и повелось. Это стало вроде как традицией, хоть мы и не давали этому никаких названий, просто... просто по пятницам Аарон звонил и приглашал меня посмотреть кино. Наверное, ему было одиноко. Неважно, что с ним было, но он стал для меня единственным человеком, с которым я хотел бы поддерживать отношения после школы. И вот теперь, спустя год после знакомства, я стоял на кухне с письмом о приеме в руках и гадал, получил Аарон такое же или нет.

– Я позвоню Аарону, – сказал я маме.

Восемь

– Ну что там, чувак? Тебя приняли?!

– Ага.

– Да-а-а!

– Ура-а!

– Кру-у-уто, блин!

– Ага-а-а!

– Но ты хоть готовился, а я даже не притрагивался, – сказал Аарон.

– Точно. Я должен быть счастлив, что разговариваю с тобой. Ты мощный вообще, вроде Геракла.

– Ага, постоянно чищу конюшни. Короче, у меня вечеринка.

– Когда? Сегодня?

– Точно. Родители в отъезде – вся квартира моя. Ты ведь придешь, да?

– Настоящая вечеринка? Не чаепитие с тортом?

– Угадал.

– Конечно, приду!

Я учился в восьмом классе, поступил в крутую школу и шел на настоящую вечеринку. Жизнь удалась!

– Можешь принести бухло?

– Типа выпить?

– Крэйг, сосредоточься. Да. Типа. Принесешь?

– У меня же нет удостоверения личности.

– Крэйг, ни у кого из нас нет удостоверения личности! Я спрашиваю, ты можешь прихватить что-нибудь у родителей?

– Не уверен, что у них есть... – Но, конечно, я знал, что это неправда.

– У них точно что-нибудь есть.

Я прикрыл телефон рукой, чтобы мама не услышала.

– Скотч сойдет? Есть бутылка скотча.

– Какого?

– Блин, чувак, да откуда я знаю?

– Ладно, тащи. Слушай, можешь позвонить каким-нибудь девчонкам?

Откуда? Я же целый год просидел за пособиями в своей комнате.

– Нет.

– Ладно, проехали, девочек я возьму на себя. Но ты хотя бы поможешь мне все приготовить?

– Конечно!

– Тогда дуй сюда.

– Мам, я пойду к Аарону! – объявил я, сложив телефон.

В другой руке я все еще держал конверт с приветственным письмом, поэтому вручил его маме, чтобы отнесла в мою комнату.

– Чем вы там собираетесь заниматься? – спросила мама, сияя улыбкой сначала пакету, потом мне.

– Ну... я останусь у него ночевать.

– Будете праздновать? Это точно нужно отпраздновать!

– Ну да.

– Крэйг, честное слово, я не знаю ни одного человека, который бы так упорно готовился к поступлению, как ты. Ты должен гордиться собой, и тебе уже пора сделать передышку. Ты очень талантлив, и сегодня мир это заметил. Крэйг, ты сделал первый шаг в удивительном путешествии...

– Да ладно, мам, хватит. – И я обнял ее.

Накинув куртку, я сел за кухонный стол и сделал вид, будто пишу сообщение в телефоне. Как только мама вышла, я бросился к шкафчику под мойкой, достал бутылку скотча («Гленливет») и вытащил из буфета термос, в котором брал с собой еду в начальной школе. Мне думалось, что на вечеринке термос будет смотреться нереально круто. Я отлил в термос немного скотча, а в бутылку долил воды до прежнего уровня – на случай, если родители за этим следят, потом затолкнул термос в карман куртки и крикнул маме, что позвоню.

Впервые за год я ехал в метро к Аарону без учебника на коленях. Выйдя на нужной станции, я взлетел по лестнице, промчался по серым улицам, проскользнул в дом, кивнул консьержу и так вдавил большим пальцем кнопку лифта, что она слегка накренилась и повернулась. На шестнадцатом этаже возле открытой двери, за которой надрывалась рэп-музыка с призывом убивать людей, стоял Аарон. Он протянул мне свою металлическую сигарету и предложил:

– Курни. Отпразднуй.

Я остановился.

– Когда, если не сейчас?

Я кивнул.

– Пошли, покажу.

Аарон провел меня в дом, усадил на диван и показал, как держать сигарету, чтобы не обжечься о металл. Он объяснил, что нужно втягивать дым в легкие, а не в желудок: «Не глотай его, Крэйг, а то тебя не торкнет», – и что выпускать его нужно через нос или рот и как можно медленнее – удерживая дым в себе как можно дольше. Долго, но не слишком, а то закашляешься.

– Как ее поджечь? – спросил я.

– Я тебе зажгу.

Он присел на диван передо мной, а я бегло осмотрел гостиную, пытаясь запомнить, как все выглядит, на случай, если что-то вдруг изменится: по стенам книжные стеллажи от пола до потолка, в центре свободное пространство, заполненное кофейным столиком, высокой пепельницей с канавками по бокам, собакой из фарфора и маленьким электрическим пианино. Некоторые говорят, что из всего, что я делал до сих пор, к курению травки более-менее приближалось сильное раскачивание на качелях, но Аарон сказал, что те, кто так говорит, наверное, накуривались, когда качались на качелях.

Взметнулось бутановое пламя. Я как можно старательнее

затянулся металлической сигаретой, как будто мне ее врач выписал. Рот мгновенно наполнился хорошо знакомым пьянящим и легким химическим привкусом – так пахло в комнате Аарона.

Сидя со втянутыми щеками, я посмотрел ему в глаза. Он закрыл зажигалку и улыбнулся.

– Только не в щеки! – велел Аарон. – Ты похож на этого трубача, как его... Диззи Гиллеспи⁴! В легкие, слышишь? Втягивай в легкие.

Я попробовал втянуть по-другому. Показалось, что у меня внутри не дым, а пузырь клея.

– Вот так, да, и держи, держи...

Глазам стало горячо, выступила слеза.

– Держи-держи. Хочешь еще?

Я в ужасе замотал головой. Аарон расхохотался.

– Ладно, чувак, ты крут. Ты прямо крут!

Пф-ф-ф. Я выдохнул дым прямо в лицо Аарону.

– Блин, чувак! Ну ты даешь! – Аарон замахал руками, разгоняя вырвавшееся из меня облако. – Ты точно раньше не накуривался?

– И что теперь будет? – спросил я, тяжело дыша и жадно втягивая в себя воздух, в котором все еще висел дымок.

– Может, ничего и не будет.

---

⁴ Диззи Гиллеспи – джазовый трубач-виртуоз, вокалист, композитор, аранжировщик, руководитель ансамблей и оркестров, родоначальник современного импровизационного джаза.

Аарон встал, забрал у меня сигарету и положил на высокую пепельницу. Потом протянул мне руку – я ожидал рукопожатия, но он просто стащил меня с дивана.

– Поздравляю!

Мы обнялись, губами к уху – настоящее мужское объятие с похлопыванием по спине. Отстранившись, я улыбнулся и, обхватив его за руки, сказал:

– Тебя тоже, чувак. Все будет круто!

– Я скажу тебе, что будет круто: наша сегодняшняя туса. – И Аарон принялся мерить шагами гостиную, загибая пальцы. – Так, сначала сходи за газировкой для напитков. Потом уберем все папины книги и бумаги, чтобы ничего не испортить ненароком. Еще ты должен позвонить одной девчонке. Ее отец пригрозил полицией, если я позвоню еще раз, так что скажешь, что ты из «Гринписа».

– Погоди, я не запомню. – Я взял с кофейного столика в гостиной плотные линованные карточки для записей. Я начал было проставлять фломастером номера, как вдруг меня торкнуло.

– Вот ни фига-а-а се!

– Та-а-ак, – посмотрел на меня Аарон.

– Бли-и-ин.

– Вставило? Чувствуешь, да?

«Что? Как мозги вываливаются из головы?» – промелькнуло у меня. Я уставился на свои записи: вдруг надпись «1) Купить газировку» изогнулась дугой, будто решила свалить-

ся с карточки. Посмотрел на книжные стеллажи: они выглядели как обычно, но, когда я отворачивался, полки шевелились. Я словно был в замедленном кино, но не так, как бывает под водой, нет, это больше походило на пребывание в густом тяжелом воздухе, который двигается вместе с тобой, как туча. Для улета это, пожалуй, тяжеловато.

– Вставило? – повторил Аарон.

Я посмотрел на полную смятых окурков напольную пепельницу, среди которых лежала блестящая ровная металлическая сигарета.

– Смотри, это же королева окурков! – восхитился я.

– Ну, приехали, – расстроился Аарон. – Крэйг, у нас куча дел, ты вообще в состоянии что-то делать?

В состоянии ли я? Да я мог сделать все что угодно! Если здесь я отпускал остроумные замечания типа «королевы окурков», то страшно представить, что я на улице буду вытворять!

– С чего начать? – спросил я.

Аарон дал мне пару баксов на покупку газировки, но, как раз когда я открыл дверь, чтобы выйти в мир, зазвенел домофон.

– Это Ниа! – заорал Аарон, опрометью бросаясь к домофону на кухню, полную грейпфрутов и темных деревянных шкафчиков.

– Она тут? – офигел я.

Ниа из нашего класса, она наполовину китаянка, наполо-

вину еврейка и хорошо одевается. Каждый день она приходила в чем-то новом: то в ожерелье из игрушечных Губок Бобов, которые дают в «Бургер Кинге»; то с одной гигантской красной пластиковой сережкой в виде кольца; то с черными клоунскими кругами на щеках. Я считал, что она носила эти аксессуары просто из вежливости, чтобы хоть как-то отвлечь внимание от своего миниатюрного соблазнительного тела и кукольного личика. Оставь она все как есть, распусти волосы, будто росла с ветром в поле, – нас, парней, просто разорвало бы.

– Да уж, Ниа – просто огонь, – сказал Аарон, вешая трубку.

– Она ничего.

Мы сидели, уставившись на дверь, как голодные птенцы.

Раздался стук, и мы наперегонки бросились к двери. Кинув взгляд в мою сторону, Аарон потянул дверную ручку:

– Приве-е-ет! – завопил он, перебивая меня.

– Привет! – сказал я.

И вот она вошла: в зеленом платье, с радугой браслетов на лодыжке. Глаза у нее были такие огромные и темные, что она сама казалась еще более щуплой. Туфли на высоченных каблуках буквально швырнули ее к нам, так что зеленое платье обрисовало ее маленькие грудки.

– Мальчики-и-и, – протянула Ниа. – Мне кажется, тут кто-то недавно пыхал.

– Ни в коем случае, – сказал Аарон.

– Мои друзья уже едут. Когда начало?

– Было пять минут назад. Не хочешь пока в «Скрэббл» сыграть?

– В «Скрэббл»? – Ниа поставила на пол свою сумку в форме бегемота. – Кто вообще играет в «Скрэббл»?

– Ну, я играю и... Крэйг тоже, – сказал он за меня, а вообще-то я не играю, – а мы, между прочим, неглупые парни, раз поступили.

– Я знаю! – Ниа схватила свою бегемотскую сумку и ударила ею Аарона. – И я прошла!

Подумав немного, она стукнула и меня тоже:

– Поздравляю!

– Обнимашки! – провозгласил Аарон, и мы сошлись, образуя трехступенчатую пирамиду: макушка Ниа уперлась в мой подбородок, а моя голова доставала до подбородка Аарона. Я обнял Ниа за теплую узкую талию, а ее ладонь обвилась вокруг моего плеча. Наши тела образовали что-то вроде балетной композиции. Я чувствовал дыхание Ниа. Повернул голову, чтобы посмотреть...

– «Скрэббл»! – объявил Аарон.

Он пошел в гостиную и, сняв с книжной полки игру, положил ее на пол. Мы расселись вокруг: Аарон между мной и Ниа, напольная пепельница – с четвертой стороны.

– Местные правила, – принялся рассказывать Аарон, высыпая пластиковые квадратики с буквами. – Если слово не получается, то можешь придумать свое, но при одном усло-

вии: нужно дать точное определение. Если это определение рассмешит остальных, ты получаешь очки по стоимости букв, если нет – теряешь ровно столько же.

– Значит, можно придумывать свои слова? – переспросил я.

Это сулило богатые возможности. Я мог бы выставить слово «*прониазанный*» – это то, что происходит, когда до тебя дотрагивается Ниа. Она тебя трогает, и ты становишься прониазанный. Наверное, это ее рассмешит. А может, и нет.

– А китайские слова можно? – спросила Ниа.

– Ты должна точно знать, что они значат, и суметь объяснить.

– Ну, это не проблема, – с лукавой улыбкой парировала она.

– Кто начинает?

– Может, покурим?

– Какие запросы!

Аарон подал ей металлическую сигарету, а я на этот раз отказался, мне было уже достаточно.

Первым словом Ниа выставила М-У-В-Л-И.

– И что это? – спрашиваю я.

– Китайское слово.

– Что оно означает?

– Хм... кошка!

– Что за бред! Откуда нам знать, что это так и есть? – Я повернулся к Аарону за поддержкой. Тот пожал плечами:

– Может, поверим на слово?

Ниа показала мне язык – черт возьми, какой хорошенький язычок! Там кольцо, что ли? Вряд ли. Стоп – уже все.

– Клянусь! – заныла Ниа. – Иди сюда, маленькая мувли, кис-кис-кис! Доволен?

– В следующий раз я проверю, – сказал я.

– Интернет в моей комнате, – сообщил Аарон.

– Но знай: если выйдешь из комнаты, мы поменяем все твои буквы на согласные, – с ехидной улыбкой добавила Ниа.

– Мой ход?

Я пристраиваю к ее М-У-В-Л-И слово Г-У-Б-К-А. Вышло десять очков.

Аарон составляет слово Х-Л-О-П-К-А.

– Это среднее между шлепком и хлопком. Например: «Сейчас ты у меня отхватишь хлопку».

Ниа зашлась смехом. Я тоже посмеялся, хотя мне совсем этого не хотелось. Аарон заработал свои очки.

Ниа выложила: Т-Р-И-Е-Л-Ь.

– Что это? – спросил я.

– Триель? Ну, знаешь, это из музыки, скажем, «триель на флейте».

– Не «триель», а трель – тре-ель!

– Ладно, как скажешь!

Она переставила буквы, и получается Т-Р-И-Л-Ь-Е.

– Трель, Ниа! Что еще за «трилье»?

– Это такой неприличный акт.

Аарон захохотал так, что, конечно, просто обязан был привалиться к плечу Ниа всем телом. Она же отпихнула его, прижавшись боком к его боку.

Я видел, к чему все идет. И, посмотрев в глаза Нии, вот что я там узрел:

«Крэйг, мы все пойдем в одну школу. Мне нужен парень для подстраховки, чтобы чувствовать себя увереннее, понимаешь? Ничего серьезного. Ты классный, но Аарон будет покруче. У него есть травка, и он не такой зажатый, как ты. Ты целый год готовился к этому экзамену, а он и пальцем не пошевелил, значит, он поумнее тебя. Я не говорю, что ты несообразительный, но ум для парня – это очень важно. Честно говоря, это самое важное, наравне с чувством юмора, с которым у него тоже получше. Он и ростом выше. Так что с тобой я буду дружить, но на этом давай и остановимся. И, пожалуйста, не ревнуй – толку от этого никакого».

Мы продолжили играть. Аарон и Ниа все ближе придвигались друг к другу, так что вскоре их колени соприкоснулись, и я мог только воображать, какое электричество пробежало между этими сдвинутыми коленями. Я уже подумал, что они вот-вот наклонятся друг к другу для первого поцелуя (или второго? Нет, Аарон рассказал бы), когда снова зазвонил домофон.

Это была Куки, подруга Ниа. Она принесла бутылочное пиво. Мы минут десять пытались открыть бутылки, пока не

догадались сдирать пробки о край кухонной столешницы. Ниа сказала Куки, что надо было брать отвинчивающиеся, а Куки спросила, что значит «ввинтить», и мы ржали как ненормальные. У нее были светлые волосы и шея, усыпанная блестками. В Подготовительную академию управления Куки не прошла, но это и неважно, потому что она будет учиться в Канаде. Продавец в местном винном разрешает ей покупать пиво, если она наклонится над стойкой: Куки рано созрела, и у нее такие тяжелые манящие груди, которые покачиваются при ходьбе.

«Скрэббл» мы убрали – так никто и не выиграл. Один за другим прибывали гости и заполняли гостиную, где гремела рэп-музыка, по-моему, скачанная с какого-то трек-листа в интернете: песни звучали одна за другой, не повторяясь. Пришла Анна – она принимает риталин⁵, я видел, как перед тестами она втягивала его носом с маленького зеркальца. Потом пришел Пол – он киберспортсмен, входит в национальную сборную по «Хало-2» и по пять часов в день тренируется со своей «командой» из Сиэтла (и даже собирается указать это в заявлении на поступление в универ). Подошел Мика – его отец заправляет «Службой такси и лимузинов», поэтому у Мики есть что-то вроде карточки для бесплатного проезда на такси куда угодно и в любое время. Потом пова-

---

⁵ Риталин – общее название метилфенидата. Он классифицирован Управлением по лекарственным препаратам США как препарат второй группы наравне с кокаином, морфином и амфетаминами. Им злоупотребляют из-за его стимулирующего эффекта.

лили люди, которых я даже не знал, например коренастый парень в яркой спортивной кожаной куртке с цифрой 8 на плечах и спине – он рассказал, что в девяностые такие куртки были так популярны, что тебя запросто могли пырнуть ножом, чтобы снять ее, а такой, как у него, сейчас вообще ни у кого нет.

Разумеется, не обошлось без маски Бэтмена – в нее вырядился Рейс.

Задиристый коротышка с усиками по имени Ронни ввалился с полным рюкзаком травки – и тут же, посреди гостиной, принялся ее продавать.

Какая-то девушка в бледных солнцезащитных очках и с конопляными браслетами на запястьях сказала, что мы просто обязаны послушать «Сорок унций к свободе» группы «Сублим», а когда Аарон отказался ставить эту песню, стала кружиться на месте и, по ее словам, «накладывает проклятье сатаны», приговаривая «Дьябло Тантунка!», делая пальцами козу и фырча: «Ф-ф-ф! Ф-ф-ф!»

Я курнул еще. Вечеринка была похожа на фильм, ну или по ней стоило его снять. Это было самое странное кино в моей жизни – где еще увидишь такое: стаканы вдребезги, брейк-данс в гостиной, летящий в таракана словарь, парень, засунувший голову в морозилку, потому что якобы «от этого торкает», разбрызганная полукругом по кухонной раковине оранжевая блевотина, народ, орущий в окно «Школа сосет», рэп «Я хочу пиво пить и дури покурить» и втягивающий в

себя сладкий порошок из трубочки «Пикси Стикс»⁶ бедолага, распыляющий лиловую пыль по всему туалету?.. Да нигде.

---

⁶ Pixy Stix – разновидность сладостей от Nestle, порошковая конфета разных цветов и вкусов, упакованная в пластиковую или бумажную трубочку.

Девять

Аарон и Ниа сидели на диване и разговаривали. Я схватился за термос со скотчем (просто чтобы занять руки, я его даже не открывал) и стал наблюдать, как пара двигалась, то сближаясь, то отдаляясь друг от друга, неуклонно сокращая расстояние, чего они сами даже не замечали. Для меня это были уже не люди, а мужской и женский органы, идущие к неизбежному взаимодействию.

– Ну как, чувак? – спросил подошедший Ронни, тогда еще только таивший в себе страсть к ювелирным украшениям. – Нравится?

Аарон с Ниа мне определенно не нравились. Скотч тоже не вызывал восторга, но мне захотелось показать, что хоть с ним у меня порядок.

– Как тебе такое? – спросил я, открывая термос.

– Что это? – Он повел носом. – О, чувак, какая жесьть. Глотни.

Я поднес термос к губам, но не пил, просто пропускал аромат через себя и ощущал, какой скотч горячий, режущий, опасный, горький...

– Глотай! – Ронни подтолкнул термос к моему рту.

– Чувак! – Я дернулся, и скотч выплеснулся мне на рубашку – оказалось, он легче и теплее воды и какой-то скользкий. – Ну ты и придурок!

– Секунду! – Ронни бросился через всю комнату, подскокил к парню по имени Асэн с криком, что имел его маму, а потом швырнул подушкой в Аарона и Ниа, уже слипшихся губами.

Я просто взбесился, но не из-за того, что это случилось, а из-за того, что пропустил, как все началось: он наклонился к ней или, наоборот, она к нему – мне бы это пригодилось на будущее, ради какой-нибудь другой девочки, пусть и не такой желанной, как Ниа. Ну, по крайней мере, хоть посмотрю, что к чему: Аарон правой рукой нежно поглаживал лицо Ниа, а в это время левая рука скользила по ее талии и крепко обвивала узкую спину. Его руки как будто играли в плохого и хорошего копа.

В термосе еще осталось немного скотча. Я отпил глоток. После тычка Ронни вкус меня уже не отпугивал.

– А я и не знала, что ты пьешь, Крэйг! – раздался голос у меня за спиной. Это Джулия, которая постоянно ходит в тренировочных брюках с надписью «Хорошая попытка», пущенной полукругом поверх ягодич. Она чокается пивом с моим термосом.

– Да нет, вообще-то не пью, – промямлил я.

– Я думала, ты такой весь в учебе. Слышала, ты поступил в Академию? Чем теперь будешь заниматься?

– Буду в ней учиться.

– Да нет, я имею в виду, какие планы на будущее?

Я пожал плечами.

– Буду впахивать в школе, получу хорошие оценки, поступлю в хороший универ и найду хорошую работу.

– С ума сойти, как ты загонялся во время подготовки! Сколько тебя помню, вечно ходил с этими карточками!

Я заглянул в термос и, хоть пищевод уже горел огнем, глотнул еще немного.

– Видел, как Аарон и Ниа обжимаются? Они такие милые!

– Они... обжимаются? – Я был потрясен.

– Ну да, ты что, не видел?

– Я видел, что они там перепихиваются, – объяснил я, выглядывая из кухни в гостиную, чтобы посмотреть на них, – но не думал, что они занимаются сексом.

– Они и не занимаются, с чего ты взял?

– Я думал, «обжиматься» – это и есть заниматься сексом.

– Крэйг, «обжиматься» не значит «заниматься сексом», а «перепихнуться» – как раз означает. Ты просто перепутал.

Теперь Аарон и Ниа были заняты вовсю. Одна рука Аарона скрылась из виду, погрузившись в исследование восхитительных незагорелых местечек.

– Запиши это на свою карточку.

– Ха-ха, – усмехнулся я.

Джулия шагнула ближе и произнесла:

– Я бы пообжималась с кем-нибудь прямо сейчас.

– Да? Круто.

– Ага, вот ищу, с кем бы...

– Э-э-э...

Я уставился на ее обрамленное короткими светлыми волосами, слегка расширяющееся книзу лицо, зубастое и какое-то красноватое. Я не хотел с ней ни перепихиваться, ни обжиматься – вообще ничего такого. Та, с которой я хотел бы, сидела в трех метрах от меня. Предложи она, это был бы мой первый поцелуй. Девочки часто говорят, что им хочется с кем-нибудь перепихнуться, имея в виду кого угодно, только не тебя. Однако же Джулия запрокинула голову и закрыла глаза. Я смотрел на ее губы, пытаюсь собраться с силами и поцеловать их, но остановился – не таким должен быть мой первый поцелуй, не хочу я довольствоваться тем, что подвернулось.

Джулия открыла глаза:

– Да что с тобой, чувак?

– Да-а, да просто...

«Фу-у-уф, – гудело в голове, – просто я обкурился и меня развезло от скотча, Джулия. Дай передохнуть».

– Ладно, проехали, – бросила она и вышла из комнаты, а потом и вовсе ушла с вечеринки.

Позже я узнал, что обидел ее. Надо же. Я и не знал, что на такое способен.

Я пробрался к ноутбуку, с которого музыка передавалась на установку. Рядом на полках стеллажа стояла музыкальная коллекция отца Аарона – только старые виниловые пластинки. Мне вдруг до чертиков захотелось выбросить из головы все, что здесь произошло, и загрузить мозг чем-то другим,

поэтому я вытащил пластинку – третий альбом Led Zeppelin. Пластинка была размером с ноут, а конверт покрыт разрозненными рисунками: волосатые мужские головы перемежались дирижаблями (я догадался, что это и были те самые цеппелины), цветами и зубами. Край пластинки слегка выступал наружу, как цветной тетрадный разделитель, я потянул его наугад – тот повернулся, и вместе с ним повернулась вся пластинка внутри конверта, и картинки в маленьких окошечках сменились: радуги превратились в звезды, дирижабли – в самолеты, цветы – в стрекоз, просто офигеть! Один из рисунков был точь-в-точь как уровень из «Кьюберта»⁷ – лучшей из старых видеоигр – я и не знал, что Led Zeppelin придумали «Кьюберт»!

Я посмотрел – Аарон и Ниа продолжали свое дело. Теперь одна рука Аарона спряталась в ее волосах, и он натягивал их на себя как противогаз. Я поднял альбом, закрывая их головы. Опустил – Аарон и Ниа. Поднял – картинки, картинки. Как будто Аарон и Ниа тоже были картинками на конверте.

Народу было битком. Все начали выстраиваться в очередь к одному из набитых книгами туалетов. Они не обжиматься туда шли, ничего такого – просто какой-то пацан, Джон, распылил там перцовый баллончик, и всем захотелось проверить, как этот газ на них подействует. Мальчишки и даже

---

⁷ Имеется в виду Q*bert – аркадная игра, изданная компанией Gottlieb в 1982 г. Цель игры – проводя персонажа по верху пирамиды из трехцветных кубиков, перекрасить их в заданный цвет.

некоторые девочки вылетали из туалета со слезами и воплями «А-а-а, мои глаза!» – и бежали к воде, что совершенно не останавливало стоявших в очереди. По-моему, там перебывали все, кроме меня.

Я продолжал рассматривать коллекцию пластинок. Например, там был «Белый альбом» The Beatles – я и не знал, что он в самом деле белый, – и каждый раз, когда я поднимал от него глаза, то видел, что Аарон и Ниа переплетались все сильнее. И вдруг на меня накатило тепло и сонливость, наверное, от скотча, поэтому я привалился на стопку пластинок, просто чтобы на минутку прикрыть глаза. Очнувшись, я машинально поискал глазами Аарона и Ниа, но их уже не было. Я выглянул из-за своего импровизированного лежака и посмотрел на часы над теликом – было уже два часа ночи.

Десять

Дом почти опустел.

Я еле поднялся. Плей-лист на ноутбуке давно остановился. Ночевка в гостях закончилась, и все, что я сделал, – это порылся в старых пластинках и едва не перепихнулся с девочкой; тем не менее я почему-то был доволен проделанным.

– Эй, Ронни! – окликнул я игравшего на PlayStation Ронни. Шнур от приставки тянулся от дивана через всю комнату. Ронни отвлекся от игры:

– Чего?

– А где все?

– Имеют твою мамку.

Недалеко от Ронни, на другом конце дивана, прикорнула девочка по имени Донна. Сидел на стуле парень в яркой куртке с цифрой 8. Кто-то крикнул, чтобы врубили музыку, а Ронни проорал в ответ: «Заткнись, пацанчик». Повсюду стояли стаканы и кружки, как будто они размножились за время вечеринки.

– Кто-нибудь видел Аарона?

– Отвали! – Это было все, чего я добился от Ронни.

– А-а-арон!

– Заткнись, баклан! Он там со своей цыпочкой.

– Здесь я, здесь! – вышел из своей спальни Аарон, поправляя штаны. – Капе-е-ец! – заметил он царящий повсюду раз-

гром. – Ну, ты как? Нормально оттянулся?

– Да, блин, зачетно. Где Ниа?

– В отрубе.

– Видать, ты неплохо потрудился, а? – спросил Ронни. –

Азиатское вторжение, все дела.

– Заткнись, Ронни.

– Азиатская чума.

– Заткнись.

– Азиатский сговор.

Аарон выдернул из рук Ронни джойстик от PlayStation.

– Эй, ты чего? – заорал тот и кинулся его забирать.

– Прощвырнемся? – спросил Аарон.

– Конечно! – Я стал натягивать куртку.

Аарон разбудил Донну и «Куртку номер восемь» и выставил их вон; потом, после долгих препирательств, выгнал и Ронни. Мы все спустились на лифте, потом восьмой номер и Ронни ушли в сторону пригорода, Донна и еще пара ребят сели в такси, а мы с Аароном не сговариваясь побрели к Бруклинскому мосту, который прорезал своим сиянием ночь в трех кварталах от его дома.

– Хочешь перейти через мост? – предлагает Аарон.

– До Бруклина?

– Ага. Оттуда можешь пойти домой или вернемся ко мне на метро.

– А когда рассветет?

– Наверное, часа через три-четыре.

– Тогда идем. Потом я пойду домой пешком и к завтраку как раз дойду.

– Круто, пошли.

Мы шли в ритм. Ноги совсем не мерзли. В голове плыло. Обнаженные деревья, попадавшиеся по пути, казались мне верхом красоты. Если бы еще и снег пошел, было бы совсем круто. Тогда на меня падали бы снежинки, и я мог бы ловить их языком. И мне было бы плевать, что это увидит Аарон.

– Ну, как ты? – поинтересовался я.

– О чем ты? – удивился он.

– Сам знаешь, – сказал я.

– Погоди-ка.

Он заприметил на тротуаре стеклянную бутылку от фруктового чая, с виду было похоже, что она наполнена мочой, что на Манхэттене не редкость: уж не знаю почему, но бездомные мочатся в бутылки и даже не трудятся их выбрасывать. Но это вполне мог оказаться и безобидный яблочный чай, почему бы и нет? Аарон подскочил к бутылке и точным ударом ноги запустил ее через всю улицу, так что она грохнулась о край тротуара на противоположной стороне и вдребезги разлетелась под фонарем.

– Есть! – заорал Аарон. Потом огляделся по сторонам. – Копов же не видно?

– Нет, – сказал я сквозь смех.

Мы подошли ко входу на мост.

– Нет, серьезно, как это было? – не унимался я.

– Она просто супер! Знаешь, ей реально нравится это все.

Она любит... любит секс!

– У вас был секс?!

– Нет, но я уже вижу: все остальное ей по кайфу.

– Что ты делал?

Он рассказал мне, пока мы карабкались на мост через Нью-Йоркский залив.

– Врешь! – пихнул я его. С залива потянуло холодом, и я набросил капюшон и потуже затянул замусоленные шнурки. – И как это вообще?

– Это капец как прикольно! – оживленно ответил Аарон. – Там на ощупь как внутренняя сторона щеки, прикинь?

– Правда? – Я вытащил руку из кармана.

– Ага.

Я сунул палец в рот и надавил на щеку изнутри.

– Вот так?

– Ну да, – ответил Аарон. Он тоже засунул палец в рот. – Так и есть, и еще там жарко.

– Надо же.

Какое-то время мы шли молча, держа пальцы во рту.

– А ты уже шпилится с кем-нибудь? – спросил он.

– Не. Но Джулия вчера хотела.

– Неплохо. Она тебе случайно ничего не подсыпала?

– Что? Нет!

– Просто ты же тупо вырубился в углу.

– Ну, я там пил мамин скотч и просматривал пластинки

твоего отца.

– Ты что-то с чем-то, Крэйг.

– Холодно здесь.

– Зато вид отпадный.

Мы не поднялись и на десятую часть высоты, но было уже круто. Позади нас виднелась пешеходная дорожка, уходившая к Сити-холлу, башня которого сияла в свете прожекторов, напоминая белую жемчужину, приютившуюся между великанами вроде здания Вулворт-билдинг, которое, как я узнал на уроке литературы, Айн Рэнд⁸ сравнила с перстом Божьим, что, наверное, так и есть. Мне же оно напоминало огромный, богато украшенный мятный леденец с бело-зеленой верхушкой. Слева от нас раскинули свои синусоиды другие мосты Манхэттена, неся по своим полосам одинокие ночные грузовики, бороздящие туман.

Но лучший вид открывался по правой стороне, где зиял почти непроницаемой чернотой Нью-Йоркский залив. Сияющая посреди темноты статуя Свободы никогда не вызывала у меня доверия – стоит такая вся, притворяется милахой. Настоящая жизнь – по берегам залива: на Манхэттене с его деловым центром, где люди делают деньги, и на другой стороне, в темном сонном Бруклине, у которого, однако, свой козырь в рукаве – контейнерные краны, работающие на разгрузке кораблей даже ночью. Все знали, что эти грузы ни-

---

⁸ Айн Рэнд – американская писательница, автор бестселлеров «Источник» и «Атлант справил плечи».

кто не досматривает на предмет террористической угрозы, но каким-то чудом до сих пор ничего не взорвалось. Что-то, а эти краны освещают не ради государственного престижа и прочей показухи. Бруклин – это порт. Нью-Йорк смог обзавестись нехилым портом – мы, местные, много чего добились, и я тоже не отстаю.

В самом далеке, словно финальный занавес на сцене Нью-Йорка, раскинулся мост Веррацано-Нарроус. Он протянулся от Бруклина к Манхэттену, предваряя вход в порт, – отливающая синевой стальная верхушка губ⁹, приветствующих ночную тьму.

Я чувствовал себя на вершине мира – всемогущим и всемогущим.

– Ты что, Крейг? – спросил Аарон.

– Что такое?

– Это с тобой что такое, чувак?

– Мне классно, – ответил я.

– Конечно, а как еще может быть?

– Нет, не то. Мне просто охренительно.

– Ну да, я понял. Так и должно быть.

Мы подошли к первой башне моста, и я остановился перед табличкой с именем архитектора: «Джон Рёблинг». В строительстве ему помогали жена, а потом и сын. Джон Рёблинг погиб при постройке этого моста, ну да и бог с ним, а Бруклинский мост простоит здесь еще сотни лет. Хотел бы

---

⁹ Мост напоминает губы с острыми уголками.

я оставить после себя что-то похожее. Я не знал, как этого добьюсь, но чувствовал, что первый шаг вроде как сделал.

– Самое классное, что Ниа... – начал Аарон и пустился в такие анатомические подробности, которые я предпочел бы не слышать, поэтому я просто отключился, понимая, что он говорит сам с собой. Ему было классно от одного, а я тащился совсем от другого: однажды я пройду по этому мосту и буду смотреть на город, зная, что мне принадлежит какая-то его часть, что я здесь не пустое место.

– А какой у нее зад... Знаешь, я думаю, символ «сердечко» делали с ее задницы...

Мы дошли до середины моста. По обеим сторонам от нас проносились машины: красный поток слева, белый – справа, отделенные от пешеходной дорожки тонкой металлической решеткой по обеим сторонам.

Мне вдруг нестерпимо захотелось выступить за решетку, склониться над водой и заявить о себе миру. А если уж мне что втемяшится в голову...

– До сих пор не верится, что это было на самом деле... – продолжал свой монолог Аарон.

– Хочу постоять над водой, – известил я его.

– Чего-чего?

– Идем! Хочешь со мной?

Он остановился.

– Ну да, – сказал Аарон. – Да, я понял, о чем ты.

Там были такие мостки поверх решеток, для того чтобы

рабочие могли добираться до тросов и ремонтировать их. Я перебрался по одному из мостков на внешнюю сторону, с которой был виден мост Веррацано-Нарроус, и, ухватившись за перила, принялся балансировать на узкой металлической полосе шириной не больше десяти сантиметров. Подо мной с шумом проносились легковушки и внедорожники, а впереди в холоде простиралась чернота воды и неба.

– Ты чокнутый, – сказал Аарон.

Я продвинулся вперед – делов-то: как и все, что нам запрещают взрослые, это было проще простого.

Я миновал первую полосу из трех, шумевших подо мной, прошел до середины второй – и тут Аарон заорал снизу:

– Ты чего туда полез?!

– Я просто хочу подумать! – прокричал я в ответ.

– О чем?

Я помотал головой. Не мог я ему объяснить.

– Я быстро!

Аарон отвернулся.

Перебравшись через вторую полосу, я стал смотреть на линию горизонта и не отрывал от нее глаз, пока, ритмично перехватывая руками по балке, не миновал третью полосу. Добравшись до края моста, я с удивлением обнаружил, что там вообще нет никаких ограждений: ничего, что могло бы уберечь от падения, кроме крепких рук и воли. Я ухватился за ледяные прутья арматуры обеими руками и распростерся над водой, раскинув руки в стороны: меня мотало на ветру,

пока я висел там, как... ну вроде как Христос.

Я закрыл глаза, потом открыл – почти никакой разницы: даже с закрытыми глазами я отлично видел россыпь огней, просто с открытыми глазами я чувствовал ветер на слизистой. Маленьким я читал книжки про аббатство Рэдволл, фэнтези-книжки про воинственных мышей, боевой клич которых приводил меня в полный восторг: «Эвлалия!»

И я как придурок запрокинул голову и заорал с Бруклинского моста во всю глотку:

– Эвлалия-а-а-а!

Я бы мог умереть прямо тогда.

И учитывая, как все потом повернулось, лучше бы я так и сделал.

Одиннадцать

Депрессия не начинается так сразу. Вдоволь поорав с Бруклинского моста, я в отличном настроении пошел домой. Аарон вернулся на ночном метро на Манхэттен, у него была куча времени, чтобы прибраться в квартире и проводить Ниа к родителям. Я перекусил в закусочной, съел яичницу и пшеничный тост, вернулся домой в десять утра, сказал маме, что ночевал у Аарона, и рухнул на кровать. Проснувшись после обеда, я обнаружил, что нужно подписать документы по поводу поступления в Подготовительную академию и записаться на медосмотр – как мило. Так и вижу, как доктор берет меня за яйца и просит покашлять (кстати, я до сих пор не понимаю, зачем им это нужно).

Само окончание средней школы было сущей ерундой – надо было только не завалить экзамены и не получить «отказано» из Подготовительной академии, поэтому я начал зависать у Аарона каждый день. После того как «травяной барьер» был сломан, настала удивительная пора, когда мы просто накуривались и кайфовали под рев телевизора; «смотреть киношку» мы это уже не называли, теперь у нас появился термин «охладиться».

– Хочешь охладиться? – бывало, спрашивал Аарон, и я врубал телик погромче.

Ронни всегда отирался поблизости. Оскорблениями сы-

пать он не перестал, но они стали гораздо нежнее, хотя это уже не имело значения, ведь Ронни заделался проверенным дилером. С нами в Академию он не собирался (кажется, он вообще никуда не поступал), зато чего он точно хотел, так это открыть ювелирный магазин, торговать наркотиками и заколачивать бабло.

Без Ниа наши тусовки тоже не обходились. Они с Аароном разлучались так же часто, как я со своей правой рукой. Я думал, что мне на это плевать, но чем больше я видел, как они милуются – сидя рядом, сидя друг на друге, сидя в обнимку, трогая друг друга за задницы, целуясь как в комнате Аарона, так и при всех, – тем больше меня это бесило. Мне казалось, что они это нарочно, чтобы выбесить меня, хотя прекрасно понимал, что нет – так же как я не хотел никого бесить, когда зубрил свои карточки у всех на глазах. А зачем же они тогда шептались, как сильно друг друга хотят, так что я все слышал? И зачем Аарон в мельчайших подробностях рассказал про их первый раз в постели? А однажды, когда мы с Ронни пилились в MTV, Аарон выдал:

– Знаете, с тех пор как я замутил с Ниа, я совсем забыл, как мастурбировать.

– Я тоже, с тех пор как спутался с твоей мамкой, – ответил Рони.

– Хм, – сказал я. В животе у меня екнуло.

– Нет, серьезно! Я вообще не помню, как это делается! – с довольной улыбкой добавил Аарон.

Молодец, чувак, поздравляю. Я узнал, как мастурбировать, в последние месяцы обучения в неполной средней школе, когда подключился к AOL¹⁰ и начал переписываться с девчонками с никами вроде «МаленькаяСочнаяЛолита42». Даже не знаю, девчонки ли это были, просто мне было одиноко, да еще хотелось понять, что к чему, чтобы к тому времени, когда начну шпилиться с кем-то, знать, что делать.

Все осложнялось тем, что, с какой бы девочкой я ни болтал онлайн, когда дело доходило до финала, я стремглав бежал в ванную и, упав на колени перед унитазом, в самые последние секунды всегда представлял себе Ниа.

Занятия еще не начались, а нам уже дали безумно длинный список для летнего чтения, включая «У подножия вулкана» и «Дэвида Копперфильда». Я честно пытался прочесть эти книги, но оказалось, это совсем не то, что зубрить карточки. На одну книгу уходило несколько дней! Мама читала все, что прислали из Академии, и сказала, что они там в числе прочего хотят воспитать из нас «широко развитых, разносторонне образованных носителей идей будущего», поэтому к английскому мне следует готовиться так же серьезно, как к математике. Хорошо устроились авторы этих книг: умерли, а все равно продолжали красть мое время. Кем они себя возомнили? Я предпочитал прохладиться у Аарона или сидеть в своей комнате, шариться в интернете, а потом бежать

---

¹⁰ AOL (сокр. от America Online) – крупнейший американский интернет-провайдер.

в ванную, чтобы спустить воду, сделать несколько ритмичных движений – и так по новой. В итоге ни одну книгу из списка для летнего чтения я не дочитал.

Когда же начались занятия, выяснилось, что лучше бы я их читал: в первый же день нам раздали тесты на тему прочитанного. Я получил 70 баллов – небывалое для меня дело. Где вообще пишут число 70? Нет банкноты в 70 баксов, нет никакой причины выписывать счет в 70 долларов. Короче, я смотрел на это 70, как будто оно у меня что-то украло.

Аарон (мы оказались в разных классах) получил за тест по летнему чтению 100 баллов. Он читал книги в Европе, куда ездил на летние каникулы, потому что романы его отца были там очень популярны. Аарон не только загорел и набрался новых знаний и впечатлений – он вернулся с кучей историй о европейках, с которыми шпилится. Он сказал, что они с Ниа это обсудили и она нисколько не возражает против других девушек. По его словам, он усиленно работал над превращением Ниа в согласную на все извращенку.

Теперь, когда мы тусили вместе, я уже не болтал как тогда, в первую ночь, на вечеринке. Я просто слушал и офигевал, всеми силами пытался контролировать нижнюю часть тела, если Ниа была рядом, одновременно сохраняя в памяти отдельные стоп-кадры с ее участием для вечернего просмотра.

Учиться в Подготовительной академии управления оказалось далеко не просто.

Все учителя заверяли, что на подготовку домашних зада-

ний будет уходить не менее четырех часов в день, но я так не думал – уж раз я поступил в эту школу, значит, смогу справиться со всем, что бы они там ни придумали, так ведь?

Мало мне было этого списка для чтения, так в первом триместре начался предмет под названием «Знакомство с Уолл-стрит», для которого нужно было каждый день покупать *New York Times* и *Wall Street Journal*. Оказалось, что летом их тоже надо было покупать – это значилось в какой-то брошюре, которую я не получил по почте. Требовалось сделать подборку новостных статей и показать, как они повлияли на биржевые курсы, для этого мне нужны были старые номера. Брать информацию из интернета запрещалось: учитель отправил меня в библиотеку читать микрофиши, а это все равно что читать Конституцию США на почтовой марке. И пока я две недели таскался в библиотеку, вышла куча новых газет, еще на две недели чтения. Газеты были такими толстыми, что я диву давался, сколько всего происходит каждый день! Как мне было прочитать это все? Стопка газет в моей комнате росла с каждым днем, и, глядя на нее по приходе из школы, я был уверен, что управлюсь с ними в два счета – вот просто возьму, открою первую и проработаю все до единой, и задание выполнено.

Но вместо этого я ложился на кровать и ждал звонка от Аарона.

Примерно тогда я и начал называть это Щупальцами. Щупалец была целая тьма. Нужно было отрубить хоть какие-то

из них, но у меня ничего не получалось – они были очень сильными и обвивались слишком крепко. Чтобы их отрезать, пришлось бы признать, как ни безумно это звучит, что я не подготовлен к новой школе.

Остальные ребята были гениями. Я-то думал, что 800 баллов за экзамен – это круче некуда, а оказалось, что у всех поступивших по 800 баллов. И еще выяснилось, что как раз в год моего поступления тест был «битый», то есть его слегка скорректировали и сделали менее стандартным, чтобы по возможности отсеять претендентов вроде меня.

Ребята из Уругвая и Южной Кореи, которые совсем недавно выучили английский, и те получили бонусные баллы за подборку последних новостей для курса «Знакомство с Уолл-стрит», потому что дополнительно читали новостные выпуски *Barron's* и *Crain's Business Daily*. У нас были первогодки, выбравшие в качестве основного предмета матанализ, в то время как я застрял на том разделе высшей математики, который шел сразу за алгеброй и который наш учитель в первый же день назвал «наипростейшим», прибавив, что меньше 100 баллов за контрольную по нему получать просто странно. Я получил 85 и недовольный взгляд учителя.

А ведь были еще и внешкольные занятия. Другие ученики успевали все: состояли в ученическом совете, занимались спортом, работали волонтерами, делали школьную газету, посещали школьный киноклуб, а также литературный и шахматный заодно, участвовали в общенациональном состязании

нии по сооружению роботов из медицинских шпателей, помогали учителям после школы, ходили на курсы в местный универ и на дни открытых дверей. У меня же не было ничего, кроме школы и занятий по тай-бо, где я не особенно-то и блистал. В секции надо мной посмеивались, нарочно поддавались на поединках и копировали мои «не самые образцовые» отжимания, а тренер знал, что мне это не по душе, но ничего не делал. Вот я и бросил. Это было единственное Щупальце, которое я смог обрубить.

Почему другие ребята успевали лучше меня? Потому что они и были лучше. Я признавал это каждый раз, когда зависал в интернете или ехал на метро к Аарону. Одни не курили и не драчили, а другие просто были одарены свыше – для них эта гонка жизни была парой пустяков. Я не был одарен. Не был талантлив. Мама ошиблась. Просто я кое в чем соображал и усердно учился. Я обманул самого себя, поверив, будто в мире это имеет значение. И никто не раскрыл мне глаза на эту ложь, не сказал, что я самый обыкновенный.

Нет, конечно, все было не так уж и ужасно – как-никак я набрал 93 балла. Родители были вполне довольны. Но дело в том, что в реальности 93 балла являлись дерьмовой оценкой, и в университетах все прекрасно знали, что это означает: 90 баллов – предел твоих способностей. Твой уровень ниже среднего. Таких, как ты, пруд пруди. Ты никогда не поднимешься на вершину, раз ты уже сейчас не способен ни на какие внеклассные занятия. Конечно, в будущем можно под-

тянуться по оценкам, но 93 балла за первый год всегда будут тащить вниз.

В декабре, после трех месяцев учебы в Подготовительной академии, меня первый раз вырвало на нервной почве. Это случилось в ресторане, где мы ужинали с родителями, я ел стейк из тунца со шпинатом. Мы пришли в это заведение, чтобы отпраздновать начало каникул и пообщаться. Мама с папой ничего не подозревали. Я сидел за столом, смотрел на еду и думал о поджидающих меня дома Щупальцах, тогда-то в моем желудке и появился этот маленький человечек и заявил, что я не съем ни куска и лучше мне смириться с этим прямо сейчас, а то пожалею.

– Как там у тебя с биологией? – спросила мама.

Биология была адом. Надо было заучивать наизусть бесконечные названия гормонов и всего, за что они отвечают, а у меня даже времени не было изготовить карточки для запоминания, потому что все оно уходило на вырезание газетных заметок.

– Отлично.

– А как «Знакомство с Уолл-стрит»? – спросил папа.

К нам на урок приходил тип из «Беар Стернс»¹¹ – тощий, лысый, с золотыми часами на запястье. Он сказал, что если мы собираемся в будущем заниматься финансовой деятельностью, то придется впахивать и соображать быстрее, пото-

---

¹¹ Bear Stearns – в 2005 году один из крупнейших в мире инвестиционных банков и игроков на мировых финансовых рынках, базировался в Нью-Йорке.

му что уже сейчас компьютеры способны принимать инвестиционные решения, а в будущем программы окажутся повсюду. Он спросил, кто из нас ходит на информатику, и руки поднял весь класс, кроме меня и одной девочки, которая не говорила по-английски.

– Отлично, великолепно, – сказал тот тип. – А вы двое останетесь без работы, ха-ха-ха. Учите информатику!

«Пожалуйста, пусть я умру прямо сейчас», – пробормотал я про себя, не в силах справиться с тем сумбуром, который все заполнял и заполнял мою голову. Тогда я еще не знал, что так начинается Зацикливание, впрочем, в тот раз оно было не такое уж сильное.

– «Уолл-стрит» – отлично, – ответил я отцу, сидевшему напротив.

Ресторан, где мы сидели, находился в Бруклине и упоминался в статье *Times*, которую я недавно прочитал для проекта. Я понимал, что он нам не по средствам, поэтому закуску не стал заказывать.

Тунец и шпинат бурлили в желудке. Я напрягся всем телом. Зачем я тут сижу? Почему не занимаюсь какими-нибудь уроками?

– *В чем дело, солдат?*

– *Я не могу это съесть, хоть и знаю, что должен смочь.*

– *Живо ешь. Через «не могу»!*

– *Я не могу!*

– *А знаешь почему?*

– Почему?

– Потому что попусту тратишь время, солдат! Потому что армия США не для кастрюлеголовых! Ты целыми днями торчишь в доме своего сексуально озабоченного дружка, а когда возвращаешься оттуда, то уже не способен заниматься тем, чем должен!

– Я знаю, знаю. Только не понимаю, как у меня получается быть таким амбициозным и таким ленивым одновременно.

– А я скажу тебе как, солдат. Это потому, что никакой ты не амбициозный. Ты просто ленивый.

– Мне нужно выйти, – сказал я родителям и понесся через зал таким быстрым-быстрым шагом человека, которого вот-вот вывернет, – в последующий год я отточил эту походку до совершенства. И вот я влетел в хромированную уборную, и меня вырвало в унитаз. Потом сел, выключил свет и помочился. Вставать не хотелось. Да что со мной такое? Где я напортачил? Хватит курить травку! Хватит зависать у Аарона! Я должен стать машиной.

Я не выходил из кабинки до тех пор, пока кто-то не постучал в дверь.

Вернувшись за стол, я сказал:

– Мне кажется, что у меня, наверное, это... депрессия.

Двенадцать

Моим первым врачом был доктор Барни – толстенный коротышка с бесстрастным морщинистым лицом серьезного гнома.

– На что жалуешься?

Он откинулся на спинку серого стульчика. Вопрос был довольно казенный, но доктор задал его так мягко и участливо, что я проникся к нему доверием.

– Мне кажется, у меня серьезная депрессия.

– Так-так.

– Все началось осенью.

– Понятно. – Он черкнул какие-то пометки в блокноте. Тут же на столе стояла кружка с надписью «Зипрекса», я подумал, что более безумного медицинского названия я в жизни не слышал. (Потом оказалось, что это лекарство для психов; может, какой-то пациент называл своего доктора «Зипрексой», так и придумали это название?) В кабинете доктора Барни все было фирменное: клейкие листочки для заметок с надписью «Паксил», ручки «Прозак» и даже настольный календарь со словом «Золофт» на каждой странице.

– Я поступил в такую школу, о которой мечтает каждый. Вроде бы – живи да радуйся, – продолжал я, – но я, наоборот, начал психовать и с тех пор чувствую себя все хуже и хуже.

– Так-так. Вижу, ты заполнил анкету.

– Да.

Я держал в руках анкету, которую мне дали в приемной. Это был стандартный опросник, который выдают всем, кто пришел в первый раз в Центр психического здоровья, расположенный одним из центральных зданий Бруклина. Анкета, призванная оценить мое психическое состояние, состояла из кучи вопросов по поводу эмоций, которые пациент испытывал за последние две недели, с четырьмя окошками для ответа на каждый. Например: «Вы чувствуете отчаяние и беспомощность. У вас проблемы с аппетитом. Вам сложно справляться с повседневной рутинной». Под каждым пунктом нужно было выбрать один из ответов: 1) никогда, 2) иногда, 3) почти каждый день, 4) постоянно.

Я заполнил анкету, практически везде выбрав третий или четвертый варианты.

– Эту анкету будешь заполнять в каждый приход, чтобы мы могли отслеживать твое состояние, – продолжал доктор Барни. – А сейчас мы обсудим один из твоих ответов, который меня особенно беспокоит.

– Да?

– Под пунктом «У вас возникает желание покончить жизнь самоубийством или причинить себе вред» ты отметил третий вариант: «почти каждый день».

– Ну да, только вред я себе причинять не хочу. Не собираюсь я себя резать или еще какой-то ерундой заниматься. Если я захочу это сделать, то просто сделаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.